

ИЛ-MUSIC

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЯЖ (LP, 2016)	5
СИНГУЛЯРНОСТЬ (ДЕМО, 2015)	43
ПРОЛОГ (LP, 2014)	51
РОДИНА ЕДА (EP, 2013)	67
ПАДЕНИЕ (EP, 2012)	75
ОСЕНЬ (LP, 2011)	83
ДЕВЯТЬ РАССКАЗОВ (LP, 2010)	93
ДЕТСКИЙ ПСИХИАТР (LP, 2009)	103
КРАТКАЯ ЭКСКУРСИЯ ПО ДИСКОГРАФИИ ЕВГЕНИЙ АЛЕХИН	113
МЫСЛИ О СМЕРТИ НЕ СДЕЛАЛИ МЕНЯ САМУРАЕМ ИГОРЬ ПОПЛАУХИН	125
ЧЕСТНЫЕ ДЕСЯТИЕ СЕРГЕЙ ПРОСТАКОВ	133
ГРЯЗНЫЙ ХРИСТОС КИРИЛЛ РЯБОВ	141
ПАРАХОД АЛЕХИН ВАЛЕРИЙ АЙРАПЕТИАН	149
РУССКОЕ ЗОЛОТО АНТОН СЕКИСОВ	159
КРЕПКО ВЫССАТЬСЯ МАРАТ БАСЫРОВ	167
ЖЕЧЬ НАПАЛМОМ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ! БОРИС ГУЦ	175
СОБРАТЬ И СДАТЬ АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ	183
ФОРМУЛЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ НИКИТА МОИСЕЕНКО	189
О ВНУТРЕННЕМ РЕНЕ МАРГАРИТА ЗАХАРОВА	197
Я НИКОГДА НЕ СЛЫШАЛ ГРУППУ «МАКУЛАТУРА» ФЕЛИКС БОНДАРЕВ	205



Амбrotip сделан во времена записи «пляжа» нашим товарищем Димой Провоторовым. Существует даже видео, как он проявляет изображение, поливая стекло химическим составом и рассказывая об этом древнем методе.



ПЛЯЖ

(LP, 2016)

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

похоже что я живу во сне который видел еще когда был подростком
спящий пьяный мозг воссоздает будущее каким я его сочинил в девяностых
работаю российским рэп-исполнителем относительно популярным
кризис скучный разврат и в гримерке столичная такой я создал реальность

в моей жизни не больше творчества чем в дне сотрудника администрации
перекладываю исписанные бумажки коротаю время с беллетристикой на унитазе
обслуживаю низменные потребности поход к зубному запланировал в пятницу
пекусь о своем туловище и о том чтобы выложить новый трек пока их интерес не угаснет

лет с двенадцати я смотрю на мир из своей головы как сквозь костер на субботнике
не нашел тебя так и не проснулся женился пополнение на подходе
перебираю всех баб за которых зацепился взглядом кого встретил за день
что-то от тебя было в каждой но это не ты игрушечны все события и романы

очередная мутная война назревает за занавесками какой-то волосатый пиздец
экономлю на продуктах войска выводят и вводят каждая клетка тела стремится к тебе
хочет в тебя и снова я этот ребенок пытающийся изобрести симулятор
ебли хаос обретет плоть и структуру я открою тебя как страну на карте

ты укажешь мне что есть что-то помимо выбора овощей и сериалов луи си кея
ткнешь в меня палочкой и зашевелился снова что-то живое во мне
ты будешь такой же какой увиделась мне когда я учился кататься на велосипеде
кусаю наволочку чтоб не застонать и не разбудить жену и соседей

ты уже была рядом когда я впервые открывал стивена кинга или например макса фрая
когда я боялся ночью из комнаты за водой выйти ты стояла в углу наблюдая
переполз через дни прогуливал втик вместо диплома писал детского психиатра
ты была близко нужно было только открыть глаза и встретиться за пределами сна

**я покроюсь пролежнями так и не узнав твоих рук
поочередно все части тела моего отомрут
быт затопит меня как подлодку в заливе если не встречу тебя
ад это вечно редактировать свои профайлы в социальных сетях**

в стране бесконечная поздняя осень снега никогда не тают мигалки не гаснут
моя работа как ставка джедаев и нас раздавят челюсти власти
инвесторов мы не с вашей планеты не прошли патриотический кастинг
ползли вверх цифры обменников жирный еще кормил свою паству взятием

харькова а свое тело суфле как джабба хатт мы были пиратской командой
на подбитом корабле и во все стороны шла пальба на будущее я не загадывал
казалось мир развалится как боинг из малайзии или нет будет одна тоска
только снимут или расширят санкции и я бы тебя не узнал

если бы не потонула редакция кажется это ты была во всех детских снах
когда я присматривал жизнь которую одновременно желал и боялся
ты была той девушкой которую показывали по телеку со мной типа я репер
это для тебя я пил водку утром в школьном туалете чтобы стать смелым

и не оставить о себе секретов я был задирой который всегда ограбал
как-то целый день я проходил в блузке которую надела на меня завуч
на дискотеке я устраивал мош на улице получал по ебалу
и полз к тебе через слюни и кровь через станции и вокзалы

я был все еще девственником после первого секса и не мог уяснить его правила
катался на скейте и ломал себе кости когда другие кувыркались на рампе
хочу рассказать тебе всю свою жизнь перебрать все уязвимости
как будто истыканый ножами не вызываю скорую а врубаю зе смитс

я бы тебя не узнал если бы не путал кленовый сироп с бухлом в баре
если бы голосовал на праймериз оппозиции если бы был пунктуальным
наши призраки все еще там в пустынной редакции как на палубе
летучего голландца я вижу как твой и мой и танцуют на его развалинах

**я усну в пустом клубе так и не узнав твоих рук
поочередно все части тела моего отомрут
моя улица сменит название затеряется профиль в социальных сетях
россия никогда не будет свободной если я не встречу тебя**

НОЖЕВОЕ

в эти сугробы я зарываю свои письма тебе
по выходным они распускаются ночью
чьей-то кровью зубами и пивом как подснежники
танцующие уродцы у арки на электрозводке

на этих улицах нельзя заблудиться как хочется
везде натыкаешься на новый крафтовый паб
отсутствие тебя выходит за рамки своих полномочий
как глава республики финансируемой милостью аллаха

тебя нет во всем мире и на каждом конкретном шагу
под треск рвущихся на панк-концертах свитшотов
я рисую себе мост из наших сплетенных рук
его было бы видно из любой точки города

я рассмотрел все лица в вагоне это не ты
но все равно представляю себя тяжелым толстым парнем
любителем хинкали у него дома в горшках цветы
на подоконнике спрячься за мной в случае теракта

книги как корнеплоды на рынке без всяких примет
ни одна из них не сократит расстояние
между сном и реальностью между твоей и моей
постелью и буквы толкаются как на вокзале

испуганные пассажиры покидающие город-призрак
каждый сам за себя и я смотрю на них сквозь улыбку
мне некуда бежать и в принципе я согласился бы на ножевое
пока мои губы все еще пахнут тобой

**бросаюсь как под поезд под ноги в этом городе
я пес и мне надо найти хотя бы один твой волос
как на бомбы и наркотики натаскан на образ
за которым спускаюсь на дно и выбираюсь на солнце**

снег тает и запахи начинают сбивать меня с толку
под вечер автомобили как животные в лесу просыпаются
внимательно наблюдаю пока жду тебя у парковки
каждый день в мегаполисе поиск того что нельзя описать

смотрю в эти лица и на каждом его отпечаток
как в лужах город оставил свое искаженное отражение
внушает страх дарит надежду и тут же ее отнимает
жизнь измеряется покупками и коммунальными платежами

люди бегут из этого леса в свои ветхие хижины
места наших встреч станут моей городской картой
скалятся гнилыми зубами отвергнутые и униженные
не успевшие схватить жертву обменники и ломбарды

медленно продвигаюсь к тебе смывая как грязь свое прошлое
паутину временных местожительств и всех этих столовок
я сотни раз был застигнут повседневной пошлостью
но моя история до тебя просто была тренировкой

как в этой враждебной среде не растерять твой запах
набранные в кредит товары разрывают их сумки
мне тоже нужно набрать все необходимое наспех
но пока мои пальцы пахнут тобой я не растворюсь в этой скуке

начало твоего дня станет моим дедлайном
я прошел эти маршруты предвкушая что-то неосозаемое
подставляю морду лучам твоего пробуждения ожидая
мои стихи как добыча которую пес приносит хозяину

**бросаюсь как под поезд под ноги этому городу
я пес достаточно надежды на взгляд и команды
сторожить твои книги забытые в проходной комнате
просто прожить этот день или в глотку вцепиться зубами**

АЛЬЦГЕЙМЕР

выпадаю из небытия на раскуроченный паркет
флешбеки отголоски сколько дней назад прошел концерт
в табачном дыме и пиздятине как в плаценте
я кажется пытался проебать тебя и не заметить

коктейль из водки слез несовершеннолетних и их сока
дух первичнее материи я к телу отношусь жестоко
потеряй все что имеешь если не о чем писать
так унылый реп лучший афродизиак

ведет стабильность прямо в творческий тупик
один запой и отходняк заменят сотню книг
обмен веществ ускорен раз в полчаса эякуляция
чувствую как клетки мозга умирают и обновляются

рождаюсь заново не в силах донести стакан воды
до рта но каждый звук внушает страх и новые текста
голод и тошнота на каждом круге новое отчаяние
пытаюсь дозвониться до тебя но ты не отвечаешь мне

будто прочла что я писал вчера кровью и спермой
в тридцать у рэперов уже случается альцгеймер
посмотри я в этом плаваю но не ныряю ведь
это не бывшие мои по прошлой жизни знаю их

как лебедь моногамен осталльное образ в рэпе
если ты мне не веришь то я в нас верю слепо
в этих мятых простынях ищу тебя на ощупь
мне нужно пятьдесят опохмелиться и я брошу

**внутренний реп толкает к самому краю
ты праздник на который я никогда не попадаю
здесь много одному ты можешь выпить половину
под песни мертвых соловьев давай уснем с тобой в обнимку**

кто бы мне дал по ебалу чтобы привести в чувства
я точно знаю что ты не скучала и поэтому хуй с тобой
ты думаешь мне нравится вздрагивать если кто-то
вдруг поправит волосы как ты или просто в похожих шмотках

пройдет мимо или остановится купить книгу или выпить
со мной на концерте или на чьей-то квартире
не могу никого целовать если я не в балаклаве
после тебя мои будни как утро на первом канале

просыпаюсь каждый раз в чужом запахе
я перестал различать их руки разбиты в кашу
но как пел бутусов они виноваты сами
я их наказал за то что не к тебе прикасались

мне хочется сдирать эту ночь как старые обои
как будто пустота что за ней меня успокоит
сойти с ума на гастролях был бы достойный итог
нужно остановиться но я делаю еще глоток

ненавижу думать о тебе когда надо выбирать маршрут
между городами и висками заказывать на ужин еду
называть твоим именем другую с которой дуешь
в туалете после десяти шагов прикладывать кубики

льда к вискам занюхай мою судьбу в кристаллах
танцуй на моих слезах их столько что хватит угара
залить каждый танцпол что видели твои мартинсы
мне кто-то дал по ебалу и я ему улыбался

**мысли о смерти не сделали меня самураем
ты праздник на который я нухая не попадаю
мне много одному надо выпить половину
победителю по жизни в самодовольную кабину**

САМЫЙ ОТСТОЙНЫЙ ДЕНЬ

это наверное один из самых отстойных дней
и я не хочу никуда идти
город похмельно сопит за окном как полицейский
сплетаются строчки книг

на учебу я не пошел пропустил уже шесть семинаров
шесть увлекательных семинаров по два часа
сегодня бы узнал про интеллектуалов во франции
но не узнал

вместо этого задал тебе самый тупой вопрос полетел в стекло
как та баба из ролика про григория лепса
что-то типа будешь ли ты меня помнить через год
ну не настолько тупой конечно

почему нельзя брать у тебя бесконечное интервью
зачем еще нужен этот никчемный жанр
российская журналистика вертится на хую
а ты бы ее спасла

я не хочу никуда идти к тому же из тоннелей в метро
на меня смотрят черные волчья твои глаза
почему не прописано в антиэкстремистский закон
за них наказание

почему нет социальной службы для влюбленных в тебя
они бы с обрезами нас за уголом пьяными таксистами
мусорами садистами или врачами с цианистым калием
подстерегали

чтобы оборвалась взлетная полоса
молился металлу о нелепой случайности
когда закончится это молчание
не разговаривал с тобой двадцать два часа

походил на хлев клуб затерянный в гаражах
дома раскрошились как засохшие булки
не зная что заблокирован тобой на фейсбуке
надеялся где-то словить вай-фай

малолетка со средних размеров ртом
смотрела в упор обещая многое
зажмурился читал вдохновляясь тревогой
не трогать карман не проверять телефон

на достопримечательности минут сто двадцать
сгущается тьма у подножья моста
я потерялся в ТЦ как умственно отсталый
альбом канье мне назло недокачался

еле ползет автобус до домодедовской
ты дома или нет как кот шредингера
перекрыта на ремонт зеленая ветка
тротуар разобрали уже время обедать

поворот ключа царапает что-то в кишках
в квартире тихо и мрачно как в мавзолеев
новое постельное белье из икеи
и на нем я один как труп буду спать





Презентация «пляжа». Проектор транслирует какой-то попсовый клип, карды из которого отчасти составляли экспериментальный видеоряд того вечера. **Москва, май 2016-го.**

ЭТАП

в моей клетке предметы скалятся в темноте как зубы
выдавлен тюбик пасты не развернуться
катятся отрубленные головы проходят минуты
цепляясь за стенки колодца летят в пустоту

тебе ни к чему хвататься за сердце думать
о ней ее здесь нет и никогда не будет
можно бежать от одного февраля к другому
через промзону дни как километры на столбиках

ты в плохом фильме один но не главный актер
главный в кабинете протокол допроса прячет в стол
ты ее не найдешь мокрый табак сигареты распоротой
исчезает под стопами семенящих из работы в метро

так же исчезнет все ты встретишь кого-то другого
она по тебе вам нравятся одни и те же ситкомы
у вас пара котов и между ее ног не война и не рай
а место куда ты руку кладешь когда засыпаешь

твое счастье законно как будто попал на хозбанду
хлебное место друзья и знакомые рады
нет больше грустного ебала она помогает писать реферат
и говорит что гадамер не так уж отличался от деррида

в полдень ебля будет вместо чая после завтрака
привычной и классной и ты не запыхаешься
но дрогнет открышка и прошлестит над головой маятник
ты ее не найдешь даже ножом ковыряясь в памяти

**застыли стрелки на часах
меня отпускает страх
не успел сказать тебе да
пошел я на хуй тогда**

конец сезона сбросила кожу избавляясь от зуда
забрала вещи оставила все свои аккаунты
не объясняясь ушла как бросают только зануд
ухода от них к сутенеристым мудакам

и я гуляю по пустошам брошенных ею страниц
под ногами рассыпаются кости высохших тел наших
общих воспоминаний как укол леденящий
эхо моих шагов пронзает меня же в этой гробнице

позавчера мы плакали над документальным фильмом
не уходят же после такого совместного переживания
жизнь возвращается к жанру истерического реализма
убивать себя в тесном кругу друзей и зрителей случайных

пробовать бодрящую штукатурку на четвертом десятке
минуты отрезают от тебя куски время измеряется водкой
делать поступки которым нет оправдания
много лет я не бывал на таком мрачном празднике

как младенец в поисках сиськи меня подберет клубная дама
разве пойду на поправку если даже хуй встанет
буду мстить как будто это мы поменялись ролями
да вроде никого не просил чтобы меня спасали

тут нет человека мне не нужна помошь ваша
постучите в другую к блюющему над другой парашей
будущие мамы хвастают телами над моим вялым поршнем
мое тело напоминает не храм а барак заброшенный

**застыли стрелки на часах
меня отпускает страх
не успел сказать тебе да
пошел я на хуй тогда**

ВАЛЬТЕР

я знаю точно сколько ступеней сколько раз ключ в замке
вещи молчат но не о тебе и молчание скоро затихнет
и я останусь один в коридоре подвешен во тьме
мое сердце как пустая бутылка катающаяся по пристани

революция повседневности это ходить до смерти по городу
закрываться в ванной когда уже нельзя откладывать и нужно
возвращаться в дом у меня от кого-то родится ребенок
и будет кричать за дверью пока я буду мечтать утонуть

собрать из бликов твоё лицо воровать у необратимости
по минуте но все слабее засов и громче вопль настоящей жизни
твоё имя из четырех слов и каждый как выстрел
я превращаю себя в решето валяясь у самого себя на пути

прогресс это локомотив я должен быть кем-то помимо
набить чемодан сувенирами и потерять его как вальтер беньямин
недостаточно убедительно пустой листок в конце контрольной не примут
поэтому будет жена от которой я буду скрываться в картинах

воображения в 3d-очках на них будет таращиться зал
как зеваки скучают на площади у подножья гильотины
в этом фильме ничего не происходит кроме нытья и если
достоверность которой еще надо проверить но зачем нам это

толпа как переваренная телятина разваливается на куски
расходится по сторонам в красном мерцании титров
я все это вижу но никто из них не говорит о тебе никто не говорит
в пустом зале в каждом зерне попкорна в перчатках кем-то забытых

**я хочу найти тебя и заставить вещи завыть
населить город своими снами увидеть как он корчится в пытках
кажется жена ушла с ребенком гулять и я лежу на кровати
невозможно додумать тебя до конца и никаких таблеток**

секунды тяжело и торжественно падают память как глина
в которой увяз отдаляет от реальных событий пустых и рутинных
уносит к моим капризам пытаюсь изобрести тебя заново
дерусь со своими игрушками потом делаю им искусственное дыхание

в поисках вчерашнего дня в попытках воскресить наш роман
на гниющем трупе собственного таланта плаваю по городам
прикуриваю от красных лиц проводников мешаю коктейли
заливаю дурные недели и города в собственный череп

одинаково непохожи на то где мы встретились эти места
но я бью в бубен призывая призраки наших дней и палатку ставлю
попутно делая какое-то мутное дело подключая провода врубая шарманку
веду лицемерную светскую жизнь и завожу отношения на ночь

но в каждой паузе отбегаю позвонить или послать телеграмму
в прошлое тяну к тебе руки кричу с каждой случайной вкладки
у меня все хорошо я еще не научился стоять но мне надо идти
целовать кого-то загадывая тебя и за спиной пальцы скрестив

позади остается горелый пустырь в руках багаж и какие-то деньги
начинает темнеть и мне все сложнее управлять своими движениями
ступеньки скользят чемодан тяжелеет не помню в какие мне двери
и вот-вот как трусливого сутенера меня эта ночь прищемит

залезаю на верхнюю полку утопив еще одни сутки иду
все глубже во мрак но оборачиваюсь вдруг дернешь за нитку
мое похмелье завтра создаст тебя и еще один населенный пункт и стояк
я молюсь на твои трусы чтоб не кончалась пытка

**проживаю жизнь не снимая повязки для сна
простыни мыло и воздух теперь названы твоим именем
меня повсюду сопровождаешь как невозможная жена
во все гостевые списки клубов и хостелов вписана**



КОММЕНТА- РИЙ ЖЕНИ

1

Первую строфиу я переписывал несколько раз, и все равно не остался доволен. Стоило обойтись без «заправить кому-то в рот и под хвост». Но, как лает испуганная крупным движущимся объектом собака, так и я начинаю от смущения вставлять грубые фразы в любовную лирику.

2

Вы можете потреблять любые наркотики, и я не стану вам мешать, что tolku. Но стоит вообразить, как я сам закидываюсь чем-то, пусть хотя бы даже MDMA, что вроде и не считается даже за наркотик, так у меня от страха лоб погреет.

3

Тут я сравнил отношения с якобы потерянным первым романом Хемингуэя. Мало того, что мы никогда не узнаем, хорошо ли был этот роман, но мы даже не узнаем, существовал ли он вообще. Так мне и подсказывал инстинкт самосохранения: не держаться за память, а посмотреть на себя как на пиздобола, рассказывающего про этот чемодан с рукописью, хотя и не было ни рукописи, ни чемодана.

4

Согласно легенде, Нейту Диазу поступило предложение драться с Макгрегором, когда Нейт пил спиртное на яхте.

5

У Роберта Шекли есть рассказ «Особый старательский», прочитанный мной лет 20 назад. Умирающий от жажды, заблудившийся в пустыне на далекой планете золотоискатель представляет, как пьет однокомпонентный коктейль, который имеют право заказать лишь избранные, прошедшие сложнейший путь к победе. Но как-то внезапно дословно прошипировать не получилось, поэтому пришлось подобрать другую идиому. Так родился «последний шот победителя», но на самом деле лирический герой пьет коктейль «особый старательский». Просто, чтобы вы знали, ребят.

6

До сих пор почти не читал Фолкнера. Чтобы одолеть первую часть «Шума и ярости», мне пришлось загрузить ее на ресурс spreeder.com, выставить скорость 500 слов/минута, и расстрелять самого себя этим текстом. Через полчаса я встал из-за ноутбука и действительно испытал некоторый дискомфорт.

НЕЙТ ДИАЗ

мы засыпаем вместе в плацкарте на верхней полке и ты говоришь спасибо
но я забыл свою реплику рука затекла я зачем-то пытаюсь выбраться
спровоцировать тебя уйти и нырнуть в тоску заправить кому-то в рот и под хвост
будто ковыряясь в помойке и с поддельной страницы следить за тобой¹

не сокращай расстояние оставайся холодным опереди удар в сердце ножом
был не до конца откровенен не до конца с тобой не до конца погружен
не выходил из комы подавляя крик счастья говорил о нас всегда вскользь
ведь каждый был уже к кому-то привязан типа слишком рано играть по-взрослому

твои чувства притуплены ревность наиграна дистанция это моя броня
ты была таблеткой экстази под языком в последний миг я зассал принять²
опасаясь что придется трезветь буднего дня искал подвох в каждом жесте
надо было проебать тебя как рукопись романа и о его качествах всем напиздеть³

твое имя вырвется со стоном оргазма сквозь порноактрису лицо увижу на миг
а потом смотреть в точку ожидая когда закончатся все мои деньги и дни
все же не был готов к твоему уходу как нейт бухающий на корабле перед боем⁴
не поднимаются кулаки один за другим пропускаю удары в ебло я

не получилось держаться ровно как последний шот победителя пить одиночество⁵
уехать по бесконечному маршруту взяв с собой лишь носки трусы и блокнотик
в свободе даже менее комфортно чем на страницах шума и ярости⁶
еще бы вырвать секунду а потом доживать дроча на таймлапсы закатов

7

Потаенная цитата из второго сезона «Фарго». Очень впечатлила любовная линия и вообще персонаж Кирстен Данст.

8

Изначально мой куплет заканчивался повторением первой же строки про плацкарт и «спасибо», хотел сделать такую закольцовку, чтобы герой отказался от линейного восприятия времени и вечно кайфовал в уже закончившихся (и никогда не заканчивающихся) отношениях. Но при прослушивании дубля этот ход показался слишком слабым, и я стоял как лох перед микрофоном, желая исправить и не зная как. Тут пришел на подмогу Хоакин Феникс из фильма «Я все еще здесь», точнее – сцена, как он пытается втюхать свои опусы

Пи Диидди, а тот смотрит на Хоакина, как на душевнобольного. Да я и есть такой же шарманщик, как герой Хоакина, никакой я не репер! И все сложилось.

9

Никак не могли дописать первую (общую) часть припева. Было много вариантов, но перед записью все были забракованы. Мы с Феликсом сказали Сынику, что настала его очередь поработать (мы-то к тому времени уже почти неделю безвыездно сидели в «КРЕПости»), и ушли прогуляться по району. Когда вернулись через полчаса – сынок родил 2,5 строчки. И тут я додумался, что надо добавить, буквально выхватил у него ноутбук из рук и дописал про Гумилева и про голос за кадром.

упущенное время в которое на тебя не смотрел как котята тонущие в реке
какая-то полароидная фотокарточка завалялась в моем рюкзаке
беру ее на руки будто это наш ребенок жизнь превращается в бесконечный самоанализ
удерживая оборону в музее памяти на поправку идти отказываюсь

сумасшедший сторож в пустых коридорах смахиваю пыль с картин на стенах
это я муравей ползающий по изображению в макрофотографии твоего тела
оживляю желанием каждый миллиметр пью яд чтобы спастись
от врачей ведь болезнь теперь самая лучшая версия меня настоящая личность⁷

в разрушенном замке звонит телефон через определенные интервалы
это я тебя атакую как банк должника заваливаю с разных ящиков спамом
отремонтировал наше жилье и прошлое постоянно тебя переписывая
в каждом сне как заглавный трек перед релизом ты так далеко и так близко

на этот раз все получится ныряю на дно морское за жемчугом все меньшее смысла
и света и глупее надежда с каждым новым метром при погружении
не оставляю дыхания и сил на обратный путь утонуть в этом прощении мнимом
я все еще здесь⁸ я в тебе навсегда как чай пролитый в любимую книгу

**пока я думаю о тебе меня не отправят на казнь не растерзает толпа
страшная сказка пытаюсь отсрочить финал это главный бой в карде
без ограничений по раундам как гумилев в ущелье ищет ахматову
пишу этот дисс на шепчущий мне жить без тебя голос за кадром⁹**



КОММЕНТА- РИЙ КОСТИ

1

Никак не мог начать текст, вернее схватить им образ, который был в голове. Потом получилось. Хотя и немного стыдно втихивать такую третъеразрядную образность (в контексте репа она мне кажется именно таковой), но извиняет, что этот цитата из Фернандо Пессоа, бывшего, между прочим, непрекаемым авторитетом в кружках лиссабонского авангарда. Цитата из его «Книги непокоя», вот она полностью: «Вспоминаются мне в далеком свете маяка все рыдания, доказывающие, что воображение – это женщина: самоубийство, бегство, отречение, великие проявления аристократизма индивидуальности, плащ и шпага существований не на подмостках сцены».

2

Сразу замечу, что печенье марки «Полет» не отличается сладостью. Но мне оно родное, именно его я предпочитаю жрать. И это ощущение такой волнующей лояльности, что ли, готовности отдаться, я и хотел тут

создать. Печенье «Полет» не сладкое, я бы его даже назвал в некотором роде суровым, но это именно то, что я люблю.

3

Пожалуй, это единственная строчка из всего реп-текста «Нейт Диаз», за которую мне немного стыдно. Хотел лишь заметить это.

4

Когда я комкал черновики этого реп-текста, чтобы не помешаться, смотрел сериал «Любовь». Во втором его эпизоде главный герой забирает свои вещи из дома девушки, с которой расстался и особенно бережно складывает в коробку свою коллекцию блю-рей дисков (я тогда еще подумал, что ничего более мегаздротского в своей жизни не видел). В тачке по дороге домой его вдруг захлестывает приступ веселой освободительной ярости и он начинает вышвыривать эти блю-рей диски прямо на ходу из окна.

мой альбом станет заклинанием против всех стояков на тебя у других
лепестками цветов по которым ты ходишь моим монотонным гимном
лучший пляж у теплого моря дом который только для нас построил
совместный сон оружие самообороны свободная от врагов территория

воображение это женщина с которой я каждый раз засыпаю под утро¹
она ложится ко мне только когда на работу спешит улица прячут лица люди
за воротниками а я своим утыкаюсь в ее волосы шею грудь я пустой без нее
как гильза без пули нас не разнимешь и сон слаше печенья полет²

она может быть какой угодно но я не хочу чтобы напоминала тебя
прогоняю даже попытки представить наше невозможное счастье не проявлять
привязанность к памяти травить твой голос хардкором как шумовой гранатой
отжиматься два раза по сто если свое ебло застигну заплаканным

у меня есть список актрис на случай если ты подберешься близко
телефоны других я могу их вызвать и тебе будет нечем крыть это³
ты заебала мне сниться я хочу распоряжаться снами как набором блю-рей дисков⁴
я тебя ненавижу больше чем техно и управление по борьбе с экстремизмом

5

Я особенно дорожу этими словами, их автор — мой друг, загадочный интеллектуал и могущественный мистик, сохраняющий инкогнито и публикующийся обыкновенно под именем «Заезжий Гастролер».

6

Однажды мне было так плохо, что когда я вдруг видел, что какая-то вывеска на улице, слово в книге, чья-то случайная фраза или еще черт-что вдруг напоминает мне имя некоторой особы, то сразу разлетался на куски. Таких слов немало, честное слово. Тогда я начал составлять список с ними, чтобы их случайно не забыть, никогда не произносить и затыкать уши, как только вдруг услышу их первую поступь. Примеры слов не буду приводить, чтоб не разоблачить себя.

7

Кажется, об этом я прочитал в «Записках кавалериста» Николая Гумилева. Когда он благодаря своей озорной натуре ночью пробрался в лагерь неприятеля, вроде бы немца, числом превосходившего тогда русских, и то ли отвязал, то ли действительно угнал несколько лошадей.

8

Не смог обойтись без Марселя «Марсельчика» Пруста.

9

Когда мне бывает скверно, я пересматриваю бои Диазов, или когда очень скверно — хайлайты. Человек не может существовать без кумиров или собственного мифа, иначе это просто скучный теплый хуй.

10

Как раз был «скандал» с путинскими офшорами, Родугиным и другими друзьями. Меня он не очень впечатлил, но я задумался об офшорах, в конце концов, кому из нас не хочется там храниться?

11

Тогда как раз я читал «Пир» Платона, а до этого читал «Благоволительницы» Литтла. Литтель иногда потаскаю, а иногда прямо цитирую Платона, а именно ту часть, где Аристофан говорит о своем представлении Эрота, как о стремлении человека к его изначальности: «Итак, каждый из нас половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа, которое называлось андрогином, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны».

посмотри я прячу телефон под матрас чтобы меня не затащило в твиттер
на этом празднике жизни я чувствую себя лишним хотя и не вижу
там ни праздника ни жизни⁵ отказываюсь от слов созвучных с твоим именем⁶
выплевываю каждый твой взгляд из себя как чаинку наши встречи в рапиде

на каждой стене в квартире невидимый проектор транслирует убежать на турники
но и там я дерусь с теми кто пишет тебе в рецлай черти гаситесь я один
против вас тусовочка мне не помогает мое чувство лишнее чтобы его отбить
мне хватит отваги но не хватит чтобы донести до корзины

возвращаюсь к тебе как в неприятельский лагерь чтобы угнать лошадей⁷
разум бьет в спину огнем проебанных утех и одинаковых дней⁸
когда я не мог спать и есть не мог встать и лечь и не понимал зачем
ты должен беречься говорит он мне думаешь так бы вел себя нейт диаз⁹

но меня уже не спасти не хочу бороться с этой зависимостью
ты самый сильный удар который я когда-либо пропускал и хочу еще получить
хочу пересмотреть с тобой все сериалы делать котлеты из чечевицы
своровать байки и раствориться в офшорах исчезнуть со всех учетных страниц¹⁰

готовлю себя к еще одной встрече как к финальному акту миссма
наряжаюсь в доспехи понимая что поражение неотвратимо ты будешь так близко
и так глубоко внутри что кажется я превращусь в андрогина нет выхода¹¹
из этой западни и мы пойдем в кино на какой-то фильм но не удержать тебя таким

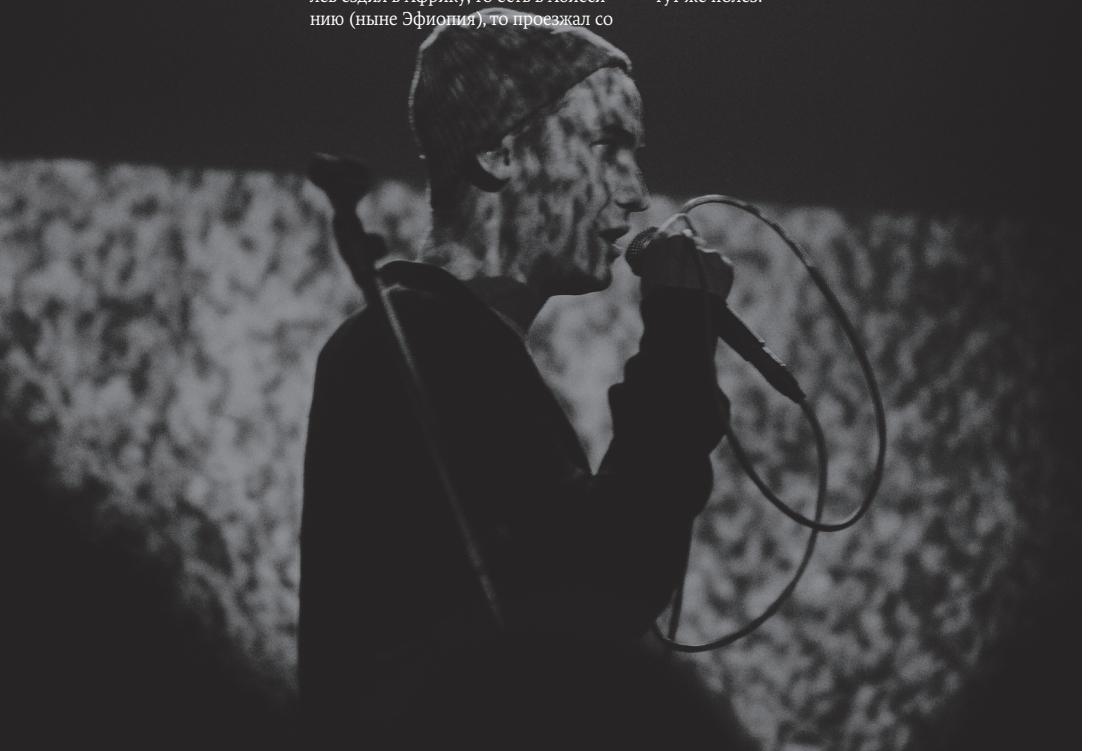
12

Не смог обойтись без Феликса «Дяди Фе» Бондарева.

13

Существует история, что когда Гумилев ездил в Африку, то есть в Абиссинию (ныне Эфиопия), то проезжал со

спутниками мимо некоторого ущелья. Это ущелье было такое хитрое, что сквозь него, по легенде мог пролезть только любимый богом человек, а не-навистный богу застревал, и ждала его погибель. Гумилев, естественно, тут же полез.



грязным стилем¹² все мои слова могут разбиться как безделушки с рынка
их некому купить даже со скидкой пишу кажется я опоздаю прости закрыт
 вход на мою станцию выхожу из сети что делать без тебя в этом мире куда убежать от тоски
воображение спит посреди окурков и недочитанных книг я не знаю как быть

**пока говорю о тебе меня не отправят на казнь не растерзает толпа
страшная сказка пытаюсь отерочить финал это главный бой в карде
без ограничений по раундам как гумилев в ущелье ищет ахматову¹³
пишу этот дисс на шепчущий мне жить без тебя голос за кадром**

**пусть мои песни будут страшнее куплетов мальдорора злее раскатов грома
признания яд который я лью в раскрытые глотки мое тело распорото
как сорванный цветок собирай меня в горсти согрей в ладонях
я впитаюсь в тебя я стану тобой даже если ты будешь против**

ЛИМБ

матросы в кронштадте докуривают последний табак
перед расстрелом и волосы их как лоскуты флага
красные от крови и черные как в отражении моря глаза
твои я вижу их когда иду в штыковую атаку

если быть поэтом то лучше задиристым и бездарным
громить их кафе и пускать дым в лицо
меня застанут в постели с двумя литературными дамами
ты где-то спиши пока мы заряжаем пистолеты свинцом

хорошо жить под мостом во время второй республики
луи наполеон лох но есть нож и вино
от дождя и толпы я защищаюсь опиумной трубкой
перед последним шагом вижу твои руки они набивают еще

выходить на ринг подпольных боев за еду под летова
делить половину миски с дворовым псом
экономический кризис так превращается в конец света
я хочу его наблюдать с тобой вместе через окно

министры и депутаты прячутся в мусорных баках
прыгают из окон силовики визжат как сучки крутыши на кайенах
я стреляю по падающим телам из рогатки
ты в новом платье ведешь толпу анархистов на кремль

помни обо мне так как будто все это было не салонным
приколом когда на алкоголь уже не хватает крови и путаешь
в прихожей свой башмак с кошачьим лотком твои глаза
отражаются в каждом море каждой другой жизни
которую я проживаю перед сном

помни обо мне так как будто это не было салонным приколом
если такое еще возможно в твоей вселенной
с той стороны зеркала тревожного отходняка после фена
душных объятиях взявшего тебя в плен трусливого человека

еще две таблетки помогут добраться до вашей постели
напоминанием о себе задеваю тысячи тоненьких струн
разбудить тебя неощутимым приоснованием
до момента пока в моем голосе еще не закончился звук

тяну за оборванные нити ищу связки потерянных ключей
от множества камер комнат надеясь тебя найти там
в сюжетах книг надписях на банках консервированных овощей
каждая буква каждый тakt ускользающая красота

отвоевываю свою преданность у инстинкта самосохранения
память мой лучший друг здравый смысл противник
на каждом новом уровне сна меняется соотношение нашего времени
в пустом разрушенном городе годами веду поединок

тело выбрасывает на песчаный берег к твоим ногам
и ты такая же как вчера а я едва ощутимое колебание ветра
пытаюсь что-то сказать запутавшись у тебя в волосах
долгожданное возвращение после путешествия на другие планеты

в углу как под канатом на ринге меня застает пробуждение
как в луже в поту я спал не снимая ботинки и куртку
утро начнется если снова позволю себе надеяться
как до подушечек твоих пальцев дотронусь до клавиатуры

ПЛЯЖ

солнце тонет в море сижу на теплом песке
ты отходишь от бара с холодной банкой в руке
у кромки воды играя повизгивают непроизвольно
несколько неполовозрелых человеческих особей

на одной чаше весов морской воздух и пальмы
на другой бикини и вздутые животы купальщиков
обозначив границы руку на тебя положил
по нелепой ошибке на земле зародилась жизнь

из амеб в людей выросли и с тобой повстречались
в этом климате острее желание ребенка зачать
но я не поддаюсь инстинкту держусь за нажитое
ведь дети пожирают собственных родителей заживо

на сто метров вокруг природа во власти людей
но если немного пройтись в эту гущу деревьев
туда где нет электричества только гнус и ядовитые змеи
расстановка сил изменится кончится смертью затея

едем на скутере мимо пейзажей красивых тревожных
обилием звуков и красок пугает живая природа
скорее вернуться к московскому душному лету
клубам и техрайдеру картошке винегрету

тиографии службам доставки записи альбомов
в провинциальные сми интервью и дешевым столовым
авиакомпаниям победа автобусам плацкартам
мечтать о возможности моря дожидаться инфаркта

**ты моя работа над ошибками
ты мой пейзаж пасторальный
все проколы я уже совершил
и мы целый миг будем счастливы**

берег блестит на солнце как зубы дракона
твой дождевик и твои родинки в заговоре который раскрою
взяв тебя за руку мы одни и вода прибывает
я не хочу просыпаться так в мечте тонет реальность

ты так же одета как в тот вечер когда десять коктейлей
виски с колой вино сигареты и тяжесть веселья
были во мне типа я проглотил пояс шахида
красивее твоего лица никто на себе не носил

мне хотелось тебя стащить как солонку из рестика
взять в заложники дать новостной повод окрестным сми
закрыться вместе в шкафу и ждать когда появится дверь
с другой стороны и мы провалимся как в щель монетка

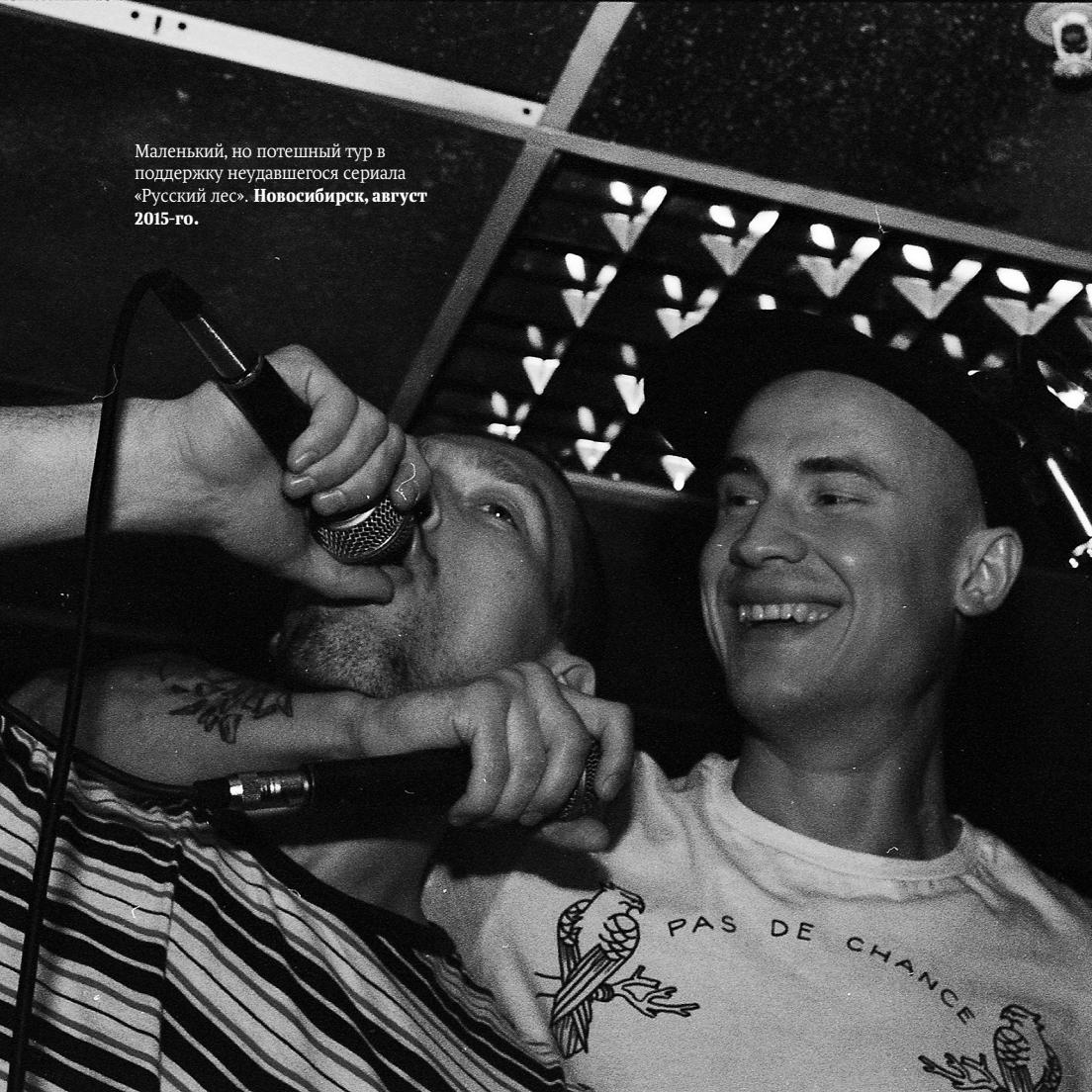
но вокруг было море людей и я пытался быть светским
вилять хвостом перед ними с миллионом гирь на сердце
напиваться чтобы приблизить свое фиаско
как плохой детектив с помятым букетом в пальцах

дрожащих для тебя твои джинсы с высокой талией
и футболка с улицей сезам страшнее аль каиды
одной спички мне хватит чтобы найти тебя в темноте
связать как прутья на фашистском гербе вытащить на берег

вода прибывает и вот мы одни посреди старых камней
это вулкан залил целый город и мы в нем первые
жители чтобы лечь прямо здесь не нужен горячий песок
я знаю ты прячешь пляж под своим дождевиком

**ты моя работа над ошибками
ты мой пейзаж пасторальный
все проколы я уже совершил
и мы целый миг будем счастливы**

Маленький, но потешный тур в поддержку неудавшегося сериала «Русский лес». Новосибирск, август 2015-го.





СИНГУЛЯРНОСТЬ

(ДЕМО, 2015)

СИНГУЛЯРНОСТЬ

будут прыгать курсы валют гореть дома и меняться носки
счастливчиков на которых случайно выглянешь ты
из своего огромного капюшона как из чащобы леса
давно заглохли протесты и плиткой замостили мечты

я как будто знал тебя уже с детства и был готов ко всему
подъемный кран у моего дома переживет любую войну
и вот тень тянется рукой сквозь бетон через ночь и время
можно сидеть на нем как на ветке никто не заметит

что ты куришь в неподложенном месте я не гулял по лесу
вместо сосен росла ограда детского комбината
заблудился во время сончаса воспитатели меня не искали
мой диафильм не кончался и чиполлино не был пойман бесами

я прижимался к прутьям пытался представить что будет дальше
умереть за тебя в стальных грозах разорваться цветами
упасть на дуэли в снег или застыть в землянке от голода
чужие судьбы мне не подходят кажется счастье бракованым

день рождения заебывал я говорил что мечтаю быть лифтером
из жалости к родственникам которые шутят и ворошат волосы
громче слов хрустит на зубах капуста и с этим треском
проваливаются дни друг в друга и я застываю на месте

в горизонте событий прошлого сентиментальнее меня только нолан
прежде чем ты это узнаешь я хочу казаться тебе веселым
щутить в социальных сетях как звать сквозь ограду кошку
глупо и безнадежно пока ты на меня не смотришь

я набираю воздуха гляжуся в твои ногти как в зеркало
плюю на проезжающие автомобили решетку трясу и пинаю
если сингулярность она такая то меня все устраивает
ты никогда не повернешься ко мне и у тебя не закончатся сигареты

рубль укрепляется президент делает пластику событий становится больше
я из детства бросаю тебе все будущее мира под ноги
кричу со своего поста но не могу его покинуть
мой долг не дотронуться до тебя и не выбраться из отражения своего

**видеть тебя так близко что искривляются пространство и время
страх заговорить с тобой и понять что тебя еще нет
оставлять твои окурки на прилавке вместо денег
дотянуться до тебя и мечтать убежать в лес**

**видеть тебя так близко что искривляются пространство и время
страх заговорить с тобой и понять что тебя уже нет
оставлять твои окурки на прилавке вместо денег
дотянуться до тебя и навсегда убежать в лес**

такая игра надо вовремя просыпаться платить за еду и квартиру
определенные даты в каждом месяце нависают как гильотины
уворачиваться от лезвий стыдиться когда посмотрел на девушки как на мясо
вставать и падать знаю себя до сих пор не лучше чем знал в пятом классе

оценка за поведение как предвкушение родительского бессилия
теперь то же чувство за умозрительный член вставленный между сисек
как в фильме шизополис я ухожу чтобы не быть с тобой и где я
только поставил ногу на землю хочу обратно в домик на дереве

потом снова бежать из отношений в клуб рассказ музыкальную группу
в которой я кричу скрипко под аккомпанемент канализационных труб
я уже труп стою над своим расчлененным телом все что нами испытано сон
материал для очередного поста или текста наш совместный мир невесом

я отказался от нажитого это как трястись за свои файлы на жестком диске
несовременно горячая вода холодильник мебель техника не важнее мысли
вылитой на гугл-док вместо предметов и с любой точки мира есть доступ
насилие и пиздеж совместная жизнь как тяжело быть свободным и просто

инстинкт размножения говорит обещай что угодно держи ее
и я как пес залезаю обратно в будку пока снаружи ветра и дожди
мы будем врать друг другу привязываться на чувство вины и плакать
защитный слой слезет с меня как с ошпаренного помидора обнажив мякоть

но утром ты смотришь в окно зная что прошлого нет это пароль
который можно восстановить только через удаленную мэйл ру почту
от аккаунта евгений алексин бесконечное путешествие через счастье и боль
начинается и обрывается бессмысленно и в любой точке

почему-то я с радостью вью это гнездо но лишь фоном
как с торрента качается фильм который мы никогда не посмотрим
мои тексты не менее лицемерны чем айс бэби привязанность выстраданная
через острова и падение но к ним необходимы субтитры и пояснения

когда врешь себе не имеет значения что ты говоришь другим
много лет пишу письмо другу которого нет это должно стать моим гимном
я с тобой навсегда скажу забросив себя в дальнюю точку планеты
как ужин для никого мы оба в отдельных постелях почему-то раздеться

на страх одному оставаться я к тебе навсегда прикован
нет конца коридору каждый из нас как конвой для второго я твой
бестолковый сон на полутораместной кровати грязной иглой под кожу
загони мне чернила набей мое кredo манипуляция насилие и пиздек

на страх одному оставаться я к тебе навсегда прикован
нет конца коридору каждый из нас как конвой для второго я твой
бестолковый сон на полутораместной кровати грязной иглой под кожу
загони мне чернила набей мое кredo насилие манипуляция и пиздек





Организатор чуть было не отменил концерты в связи с низкими предпродажами билетов. Выступали без гонорара, зато переночевали в роскошной и пустой гостинице, в которой у него (организатора) были какие-то связи и скидки. **Тюмень, март 2014-го.**



ПРОЛОГ

(LP, 2014)

ПРОЛОГ

бесконечный вечер стул икеа доживающая империя
за незашторенным окном прикрыв веки наблюдает за повторениями
жизней будто тысячи открытых вкладок с роликами коуб
и ей нет дела до твоей завтрашней встречи или финального эпизода

к которому еще не перевели субтитры она давно стоит сгорбившись
в черной мантии как смерть с карикатуры и под обломками похоронит
туловища которые вокруг своей оси топчутся расскажи в бирюлево
дружок про свое расставание напиши в сизо водник что хочешь

разобраться в себе и нужно узнать что будет дальше с джоном сноу
ты слышал что-то о голодовках в колониях но простуда не дает толком
дочитать письмо толоконниковой снегом залетает в форточку космос
гулять не ходи если не радует погода смотри со скидкой дают красивый свитшот

тихая империя похожая на водяного тяжелый живот несвежая кожа охает
как потерявшая пенсионный в трамвае едущем с рынка
напомните когда остановка проводите до дома какой она была в молодости
знают только великие покойники сквозь плейлист в парке горького

не расслышать их шепот у всех дела а у нее не осталось ни одного
уже не сохранить себя в форме рельсы железной дороги непрочным скотчем
едва держат и если нажать на педаль в толчке поезда можно увидеть ее живот
за который шли на расстрел или катаргу герои выглядят смешно

в чемодане луи виттон спрятан пояс богородицы щеки чиновников
набиты дешевым кремлевским обедом из жоп валятся золотые пистолеты
вьюга и бетон твои духовные скрепы время изобретать свою личную этику
здесь ты один против всех и общего прошлого больше нету

**тропинка к поезду на лестницу в лифт из замка в замок из камеры в камеру
на картине мира пунктирная линия от новостроек к развалинам
корпоративные автозаки везут в новый день на новую каторгу
вещи детали знаки и символы собирая как обломки вавилонской башни**

**тропинка к подъезду на лестницу в лифт из замка в замок из камеры в камеру
на замену стране сберкнижек не пришло государство карточек пластиковых
планшеты и гаджеты не сварить как кожуру от репы найденную
в куче помоев и нечистот олденевшей на заднем дворе барака**

закрываешь глаза и видишь как окурки плавают в море девятерки балтики
маленькие кораблики кон-тики материки из говна завернутого в фантики
в душной кухне отголоски угара вселенная полулежит на заблеванной скатерти
за окном на морозе звенят последние звуки отчаяния или радости

ранний сигнал светофора пролог к новой жизни старую к чертовой матери поднимайся с кровати пора обслуживать посетителей запускать агрегаты перекатывать яйца в кальсонах или ватных штанах далеко за мкадом оптоволокно давно провели но чтобы быть понятным здесь надо добавлять нах

к каждой фразе как поломанный вагон трамвая тянется за рабочим трамваем
вода под землей замерзает в трубах информация в проводах застревает
из-за тромбов сложно сопоставить две простые мысли сохнет кора головного мозга
но днк еще помнит очередь и талоны на водку пятно на лысине горбачева

побеги сознания прорастали под песни и танцы ельцина младенца-алкаша
на прогулянных парах осталась разгадка тому что теперь в фейсбуке пишет ольшанский
пойти бы по новой в среднюю школу но нужно рабочего места держаться
мифическая надбавка к пенсии подрастает благодаря трудовому стажу

здесь не надо повышать уровень квалификации главное не обращать внимания
как огромные пауки пилят цех в котором ты орудуешь рычагами
станки подъедают усталых рабочих как принц персии бежишь за конвертом с деньгами
на телеэкранах ведущему прямого эфира аэровафля в рот залетает

прыйдай домой по осколкам льдины-страны во сне увидишь себя партизаном
откопать майку с маршалом жуковым надо надеть ее обязательно
одинокий ларек замерзшая банка сигареты с маркировкой страдание
о твоем будущем поможет забыть городское коллективное бессознательное

тропинка к подъезду на лестницу в лифт из замка в замок из камеры в камеру
продувает ветром веревку на пояссе потуже и топор прячешь
заброшенная мэрия превратилась в сквот и тебя не берут в компанию
незаметный скачок от экономики знаний к городской партизанщине

тропинка к подъезду на лестницу в лифт из замка в замок из камеры в камеру
пора айфон перепаять в кипятильник спить тулуп из чехлов и журналов
газовый ключ прячь за пазухой а все бесполезные знания
тобой собранные за жизнь выбрасывай как обломки вавилонской башни

СЧАСТЬЕ

как можно меньше правды больше цитат и пыли в глаза
жизнь слишком болезненно-выпукла как real female orgasms 15
кишки сушатся как белье на веревке человек разобран на части
сквозь окна падают яркие брызги пустоты на теле выжигая

писать о том что тревожит по-настоящему было бы больно
немного проще описывать прихожие гостиные и комоды
перепечатывать и рифмовать первые страницы из бальзака
и аккуратно соскакивать до того как начнется завязка

заново отращивать кожу скулить бодриться за фасадом
личная жизнь разложена по ящикам закрыта и спрятана
до меня еще никто под бит так не описывал закаты
и по дороге в ремонт обуви я слышу диалоги в очередях

сэмплирую и делаю небольшие оздоровительные сэты
это как утренняя пробежка как уехать из москвы на лето
главное избавиться от мелодраматических воспоминаний
забыть локации маршруты лица названия и имена

безболезненные сочинения о своей комнате о дворе и доме
но проведенное вместе время прячется даже в узоре обоев
память смеется бликами в оконной раме и звуками чайника
в клубах дыма я вижу черты твоего лица слышу крики чаек

действительность под вопросом сколько лишних глаз в этом зале
если им хотя бы даже фрагмент собственной жизни показать
можно исчезнуть раствориться со своими словами замацанными
и я бросаю в толпу говно как пепси-колу толмацкий

**автобиография замаскирована и между строк спрятана
мы оторваны ото всего теперь это не ты и не я
все персонажи вымыщлены все совпадения случайны
я остался жить во сне и теперь мне снится реальность**

**пока прячу свое замерзшее туловище в одиноком быте
заметая под шкафы внутренности дней убитых и выпотрошенных
смотрю сквозь туман в голове как туалетная бумага отматывается
в унитазе тонет моя голова вырезанная из общих воспоминаний**

я бы хотел написать честно про тебя как группа ээ нэшнл
говорить что никуда не уйду напиваться безутешно плакать
идти за тобой как пес-призрак когда ты с очередным хахалем
будешь возвращаться домой или это любовь вечная

у тебя снова в разгаре и вы друг другу улыбаетесь как дикторы
российского телевизора а я как будто жалуюсь бармену
мы хотели пожениться через два года хотели куда-то уехать
с ней словно мы вместе снова только не строим планов

но песня закончится через три минуты и реальность вынырнет
как черепашки ниндзя из люка и принесет тягучее время
с собой с ним невозможно бороться пережить или вытерпеть
и мнимый мир что ты строишь с последней строчкой рассыпется

путаешься в своих героях как дональд дрейпер в историях
с соблазненными женщинами остаются только ты алкоголь и горечь
все высказанное пиздеж а не расскажешь захочется сдохнуть
пусть я буду графоманом фигляром трусом и непацаном

но усядусь в углу и расскажу хотя бы себе каким могло быть
мое будущее какие шансы я упустил за год в который
пытался взять себя в руки меня уже не ранит твоё равнодушие
оно не страшнее досужего интереса посторонних

я сам себе зе нэшнл и сам себе аудитория ставлю лайки
засосы пишу сообщения может тебя и не было не разглядеть
теперь уже сквозь нарощенную грязную катараракту на памяти
и я выжигаю эти годы как дреды сбирает толмацкий

забиваю свое прошлое некрасивыми татуировками
оставляю будто случайно как сумку у дверей поезда
забалтываю словами спутавшимися как грязные волосы
бродяги прикорнувшего у ночного павильона с цветами

остаток жизни можно убить на попытки начать заново
судьбу вместо той которая как кубик конструктора легко
прилипший к мертвому телу убитого в кухонной драке
вроде бы навсегда пропала но зафиксирована следователями

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

ночь притупляет бдительность нет причин не уснуть за рулем для водителя
и мне бы не пришлось в тольятти торговать еблом в самаре книги подписывать
обсуждая путешествие которому нет конца ждать в кафе открытия метро
эскалатор едет в огромную пасть но уже никогда не закончится эта гастроль

снова бессмысленно смотреть на прошлое в окно транспорта как инвентаризация
на бесконечном складе в алтуфьево этого мира в рассказе елизарова оказаться
про жопу труда и что я смогу сказать тебе если и вернусь домой когда-то
попробовать что-то выразить словами моего самоумервщленного фаната

будто это не я говорю с тобой а со мной говорит отражение спасибо жена
вот ты выбрался из клуба и гребешь дальше в этом поносе и уже
слышал тебе двадцать восемь а я как дурак стою у обочины и машу вслед
ты забыл обо мне но зато написал годный саундрек для последних дней

все рад бы вернуться ухватить руками свой угол и так впечатлений масса
но полоса дороги вот-вот съедет за кадр междугородний автобус сломался
спрыгнуть бы с подножки почти случайно как иедди упал в бассейн
я всегда трусливо завидовал самоубийцам как маяковский смеясь над есениным

спасибо за непроходящее чувство вины что нашел в этих строках причины
отказаться от жизни но в любой однозвездочной англете мне хватит чернил
чтобы только примерить костюм трупа но на минуту всегда оставаясь тут
но я вовсе не вижу здесь повод испытывать чувство триумфа дорогой ебаный друг

топча застывшие в лужах воспоминания листья подошвой saucony vegan brown
огрызаюсь как собака на тренировке и двигаюсь дальше по траектории
склеил себе компас из обрывков историй страниц книг иду по следам
и выбираю жизнь снова и снова вот моя дешевая дань отцовским словам

о том как приходит мудрость опыт капля по капле лишает восторга
и не хочется анализировать и описывать этот путь через мир от утробы до морга
думаю легко бы постиг все его многообразие оставаясь с родными людьми
под мелодию тихого быта остановить цепочку перерождений мысли усилием

а ты услышала этот хруст в другом городе ночи расскажут через глонасс
что диалог лишь на время оборван и внутри вот-вот сойдет ледяная масса
пишу тебе значит существую пытаюсь вдохнуть кислород в затянувшееся сообщение
игнорируя зиму идущую рядом как преждевременная импотенция

пока мне нравилось быть одному просыпаться пить воду колоть б12
делать вид что я чем-то занят в бесконечной погоне за миражами
как доктор фиш вратить лишь себе и тем кого любишь но горизонт удаляется
нужно сделать выбор до следующей станции и тут же свалиться замертво

отражение в ванной комнате замерло пахнет мылом и хлоргексидином
подгонять жизнь под свои же реп-тексты это так утомительно и эта
музыка не трогая пролетает мимо прошу забери меня мне одиноко
со всеми воображаемыми бледнями мира без возможности сказать я есть ты

это не то о чём я думал когда пытался создать свою реп-группу
это скорее то чего я боялся поэтому я ухожу хотя на самом деле присутствую
я персонаж из фильма детки я пляшущий харви кейтель гул в мониторах
я кто угодно только не чувак с микрофоном жалующийся что он никто

площадки меняются как освещаемые вспышками молний пространства
леса когда ты бежишь от грозы но она все равно впереди на два шага
кувыркаются руки лица слова и как будто кубарем катишься в овраг
ты один на корабле некому выправить парус сам держи себя за руку

мы не усвоили урок школы хардкора мы не чешем про то что мух это плохо
между песнями не читаем лекций про юниты и верность своему слову
хотя может быть очень хотелось бы но довлеет сценический образ
как детство чем дальше бежишь от которого тем крепче оно держит за жопу

да я все еще школьник в рваных джинсах бунтующий против мироустройства
оружие это мечты чтобы не кончался алкоголь подольше и чтобы время прошло
и вдруг я другой веду под руку ту о которой мечтал под кассеты зажеванные
нирваны и соник юз и мы идем в темноте на чай-то то ли плач то ли шепот

издалека как будто это я рассказываю ход своей жизни его легко предсказать
история мира под моими ногтями америка в моих штанах и каплями
спермы в салфетках вместо слез и крови в стихах я буду считать победы
и фейлы заменю вид любого письма и это самый надежный навык из детства

вынесу на сцену свой стол с записями первых текстов воссоздам свою комнату
это я лежу посреди пленок которые записывал и жду что ты придешь ко мне
мы построим палатку из разных фрагментов реальности как в мечтателях
в ней можно переждать концерт переждать жизнь и умереть не поняв

что случилось с остальным миром настал ли там ледниковый период
из всех супергероев я всегда больше сочувствовал тем что невидимы
и верил что станешь таким если как следует натянуть одеяло на голову
чтобы не оставалось ни щелочки и идти так в магазин или в школу

все что со мной случилось на самом деле происходит с кем-то другим
нельзя сказать что я не сочувствую этому парню но и не желаю ему удачи
и я подбираю слова чтобы ему было на что жить но они всегда не точны
как смех новорожденных который на самом деле является плачем

**в детстве мир был плоским настольным а теперь раздулся как прыщ
и я хочу укрыться и одновременно поддаться его соблазнам
где взять уроки самопрезентации как сделать себя с нуля расскажите
даже чтобы быть авантюристом надо иметь деловую хватку**

скоро настанет пора менять паспорт и будет уже некомфортно
работать курьером или официантом влюбляться в звезду с экрана
в шестьдесят лет стесняясь в темноте обниматься со своим пальто
воображая себя марлоном брандо из фильма про последнее танго





Фото времен фильма Риты Филиппиной «Русская зима», в котором звучит песня «Юность». (<https://youtu.be/yTJvhOqxWb4>)



РОДИНА ЕДА

(EP, 2013)

ЮНОСТЬ

сегодня ты бородатый модник похожий на девенчру банхарта
а завтра разгоняешь геев с православными соратниками
жизнь становится веселой но ты все равно выглядишь жалко
сковородки дома плавают в жирной немытой раковине

и некуда податься в общем чтобы оправдать существование
этих муниципальных депутатов этих рабочих в касках
они спиливают аварийные деревья у твоего подъезда
попробуй возненавидеть по приказу приходящую смерть

на твоем полотенце следы от соуса на полу макароны и пыль
ты закрываешь дверь и спешишь свое фото выложить
с решительным лицом в инстаграм это инструмент политики
ты можешь быть нацистом потом хозяина возненавидеть

тебе не будут мстить даже возьмут на работу в сми
на останавливающих валунах ада шипит пена огнезащитная
это россия где перед тобой сынок все двери открыты
выбирай судьбу героя-одиночки или компанейской гниды

ходи на оба митинга у тебя сердце искателя приключений
принципы придумали слабаки тусовку придумали гении
пей до дна за победу за нашу и вашу свободу смейся
или проклиной неуклюжих ментов в армяках серых

свобода это дерзновение свободы приходит нагая
сегодня накати водочки джинсы свои завтра постираешь
поглубже вдохни этого воздуха его не запретили пока
отпижженный лимоновцами уdalьцов смотрит на тебя свысока

**испытующий взгляд превращает
лучи рассвета в полицейские дубинки
время года сменяет другое
распускаются цветы как не из этого мира**

**еще верю во что-то провожая юность
встречая утро в июне
как брюс уиллис в том фильме еще не знаю
но уже догадываюсь что умер**

трусы продлевают себе жизнь плохо сложенными стихами
топчутся по истине собственные правила нарушая
одна рука строчит памфлеты другая о прелести мещанства
неудовлетворенность на родственниках вымешают

однажды свежим утром я пришел на одно собрание
предварительно начитавшись блогов сформировал мнение
спиздил у шаргунова бейджик писатель собрал все обаяние
и пробрался к микрофону вот что вам сказать я имею

как девственник перед шлюхой перед аудиторией робкий
но за мной стоит правда поэтому слова ко мне приходят
вчера я клеил обои и ковырялся в своем огороде
а сегодня я правозащитник политик талант из народа

паразитам пришло время спать на тонких мартасах
должны жить они не во дворцах и ездить не в лимузинах
я хочу их познакомить с очередями в магазинах
и для деловых поездок выдать велик урал с мигалкой

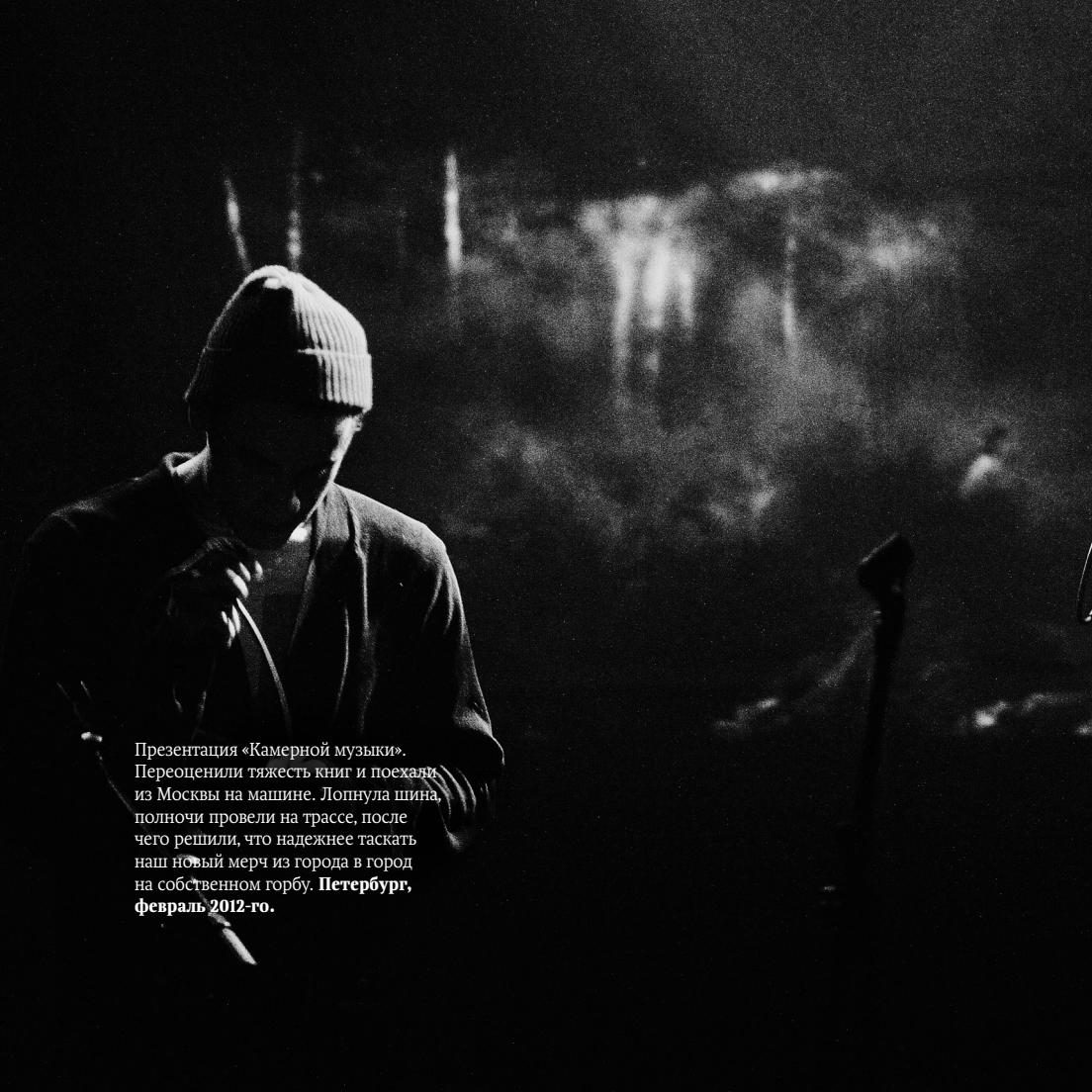
я говорил минут десять и не понял многое сам
но услышал аплодисменты и восторженные голоса
меня подхватили ребята какие-то грязные бородачи
давай к нам в палатку ты наш новый мессия ты чист

мне протягивают стакан и мы пьем допьяна
обнимаемся и кричим руки прочь это наша страна!
мы не уйдем отсюда! дубинки пиздюли пистолеты
я тихонько блюю и уползаю навстречу рассвету

испытывающий взгляд превращает
лучи рассвета в полицейские дубинки
машины гудят стекла ловят блики
кулаки и флаги как цветы тянутся к небу

еще верю во что-то провожая юность
встречая утро в июне
меня тащат по асфальту куда-то
и я отдаю себя им в руки





Презентация «Камерной музыки».
Переоценили тяжесть книг и поехали
из Москвы на машине. Лопнула шина,
полночи провели на трассе, после
чего решили, что надежнее таскать
наш новый мерч из города в город
на собственном горбу. **Петербург,**
февраль 2012-го.



ПАДЕНИЕ

(EP, 2012)

ПАДЕНИЕ

я выпал из жизни как человек прервавший чтение
посмотреть в окно на воскресенье
люди вдруг замерли под небом серым
такие бессмысленные в выходном дне

я смотрю на них сверху и мне хочется
спрыгнуть с балкона и взять за рукав
первого прохожего и сказать что одиночество
хуже любого вместе проведенного дня

даже когда мы ссорились из-за денег
потом я уехал работать в петербург
с человеком похожим на криса пена
работа сорвалась я вернулся и вдруг

ты купила мне олимпийку на последние
и внезапно я устроился работать в пиаре
мы впервые перестали считать копейки
мы впервые почти что сорили деньгами

оплатили квартиру поехали в отпуск вместе
и как я стеснялся говорить на английском
люблю тебя так что мне хочется прыгнуть
с балкона навстречу миру

и мы беремся за руки ты успешный инженер
я какая-то хуйня из креативного класса
входим в длинный-предлинный тоннель
а на выходе выливается розовая биомасса

в нас тонут дворы деревья прохожие
собаки и дети квартиры кучи листьев
нам больше не о чем волноваться и тревожиться
ты я и наш квартал навсегда обнялись

но меня отвлекает какой-то шорох
в квартире отклеились обои или капает вода
как будто все о чем я думаю скоро
исчезнет навсегда

смерть не разрешает делать паузы
я хотел нажать на стоп и оторваться
на секунду поездка на старом икарусе
с обрыва вниз одиноким зайцем

сравнима с моим будним днем
сравнима с каждой минутой жизни
в финале этого нудного фильма
мы повисаем над пропастью и ничего не происходит

путешествие возобновляется
я перестал считать меня уже не тошнит
в салоне висят фотографии первой квартиры нашей
я могу разобрать их на ощупь

вот старый холодильник с этикетками от бананов
книжки на полу которые мы воровали
там была даже биография джонни деппа
вот самый обычный мост и моя сигарета потухла

и мой вопрос остался без ответа
замерз телефон и все деньги попадали в реку
потом ты нашла работу а я еще один повод
умереть от тебя и счастье под столом

вместе с томом йорком одиночество
холодный камень мешающий говорить
нелепые движения руками и скорченные дни
прожитые взаперти без надежды

я прячусь от тебя как крошка хлеба
застрявшая в кнопках ноутбука
и все же хочу попасть на белый свет
рассказать тебе что я существую

что я обновляю страницу
держу в руках сам себя и креплюсь понемногу
но вот автобус падает в пропасть снова
приближается полдень воцаряется страх





На фото: Женя Родин, музей «Эрарта»,
презентация «осени». **Петербург,**
август 2011-го.



ОСЕНЬ

(LP, 2011)

СМЕРДЯКОВ

язык заплетается читаю как ребенок с табурета
как леонид парфенов прожженным взрослым на потеху
в полусне борьба с удушьем и вся жизнь на ее описание
несколько часов в постели я так и не засыпаю

с меня вам спрашивать нечего сказал смердяков
ассортимент в магазине не предусматривает любовь
либо ты чист снаружи либо ты чист изнутри
стоя перед окном вдруг привыкнешь к несправедливости

и я пытаюсь жить нормально вот купил себе велик
но тормоза неисправны он теперь стоит в кладовке
зато мне отдали хорошую книжную полку
но все книги я раздал а просить обратно неловко

обладание имуществом поможет забыть о терактах
протест это шизофрения сказал путин с плаката
голосом злой мачехи и я прячусь под одеяло
жизнь пролетит а ты останешься куском кала

шкатулка сновидений стандарт феназепама
нургалиев тебе не поможет сука написано в каждой мусарне
я закрываю глаза но не верь мне потому что
это ложь на самом деле пытаюсь не уснуть а проснуться

мне стыдно думать о рае но хочется куда-то
где никогда не придумывали меня и вашего брата
на счет раз зажмуриться и забыть выключить газ
и этот мир навсегда исчезнет включая нас

я люблю простые вещи даже стыдно признаться
вот нравится дождь и в общем когда ненастно
и чай дымится и чтобы я был один всегда
ни одного зеркала в доме ни одного на улице мента

да и вообще никого даже города и окна
хочется жить в лесу но там небезопасно
фон триер говорит хаос правит он псих но да
в мире нет ни одного для меня спокойного места

все в сплошных синяках и травмах как олег кашин
я смотрю на свои пальцы но они не отрываются
не падают замертво и даже не стучатся федералы
в мою дверь праздник можно даже не затевать

ужас в том что никто не придет его портить
и даже если когда-то ты окажешься за решеткой
знай что все случайно это просто шестеренки
так сработали а ты жил дешево и умрешь молча

как ломается недорогой ноутбук из тайваня
я не знаю что это в сервисе разведут руками
он работал и вдруг заглох да такое бывает
выбирайте другой мы убытки вам вычитаем

мне противно думать о рае и хочется куда-то
где никогда не придумывали меня и вашего брата
может быть оттуда глядя получится улыбаться
а сейчас лучше быть одному и одному спать

ЭТО НЕ МОЯ ЖИЗНЬ

дедушка меня просил поговорить с одноклассниками
чтобы на день победы он пришел рассказать как там
было ну на войне где-то в окопах стalingрада
я кивнул но про себя отметил что такого жалкого

зрелища я не вытерплю да меня же все засмеют
и забил на него не отвечал на звонки к тому же
появилась подружка мы вместе днями сидели дома
смотрели голливудские фильмы на старом магнитофоне

я нажимал на паузу пытался навсегда остановиться
в кадре из настоящей любви или фильма касабланка
но ничего не получалось мама кричала костя
идите скорее на кухню голубцы уже приготовились

мы покупали пакетики растворимого капучино
и нюхали его через трубочки вместо кокаина
я был почти как кристиан слейтер в его лучшие дни
глотал через затяг банки с вонючим тоником и джином

заставил тебя обесцветить волосы свои выкрасил
в синий и зеленый ходить по улице делать выбор
между кондитерской лавкой и парфюмерным магазином
что лучше ограбить куда лучше сбежать от мира

только сначала давай твоей маме поможем в огороде
говорила ты и все пялились на твои светлые локоны
а я это в рот ебал огороды и народные праздники
выпил ерша в одного уснул перед видиком на диване

да и сейчас не понимаю что вы празднуете 9 мая
не автоматы в руках а только фига в кармане
я бы пришел на могилу к дедушке сказать вы проиграли
но не знаю пути к ней я там не был ни разу

**кажется это не моя жизнь простите
это не мои друзья родственники родители
и эти странные люди в маршрутных такси
сломленные обессиленные и некрасивые**

служба голубцы и вечерняя выпивка
прогноз погоды палку кинуть или не кинуть
удивительно пока день добирался до сумерек
когда я успел их судьбу разделить

когда-то я цеплял на ночнушку дедушкины медали
приятные тяжелые от детских кошмаров спасали
благородным человеком стать мечтал жадно
войны не нужно в мире но я бы мог стать пожарным

но дедушка умер а мой папа был тщедушным клерком
я смотрел на него за завтраком и ненавидел всем сердцем
почему ты не спецагент не каратист и не киборг
почему не бросил меня в море чтобы я стал мужчиной

и пламя в душе моей гасил холодный разум труса
сидел в углу часами родители думали я свихнулся
творческие кружки или секции ничем не увлекался
пока соседи как-то раз не отдали игровую приставку

я первый раз взял джойстик в руки и жизнь изменилась
всю остальную ее часть проживая через силу
школа рутинна общение учителя друзья знакомые
и только играя в одиночестве становился героем

как моряк папай я поглощал шпинат вместо овсянки
бежал домой с уроков как донателло размахивал палкой
подбрасывал у подъезда роботов и разбивал на лету
прыгал на лапы как король лев скрывался в лесу

кем я хочу стать когда вырасту спрашивала мама
но со мной говорила не она а вражеская программа
кем я хочу стать через год и через пять вопрос повторялся
чтобы уйти от ответа я запускаю телепортатор

переношусь по ту сторону оставив здесь шмотки и бороду
и вечность спустя возвращаюсь обратно чувство страха и голод
добрые руки протягивают тарелку но это не моя мама
я что-то говорю но голос не доносится до санитаров

**кажется это не моя жизнь простите
это не мои друзья родственники родители
и эти странные люди в маршрутных такси
сломленные обессиленные и некрасивые**

служба голубцы и вечерняя выпивка
прогноз погоды палку кинуть или не кинуть
удивительно пока день добирался до сумерек
когда я успел их судьбу разделить

Родственник нашего друга в последний момент ознакомился с творчеством «макулатуры» и отказался предоставить помещение для концерта. Все отправились на оупен-эйр «за гаражи». На фото: Слава «Однорук». Кемерово, лето 2011-го.





**ДЕВЯТЬ
РАССКАЗОВ**

(LP, 2010)

АЛЬБАТРОС

когда-то я мечтал жить в портовом городе
может быть грузчиком или писателем работать
даже старательно читал бодлера альбатрос
о назначении поэта и культуре всерьез

думал а теперь в пизду это жизнь душная
стыдно заниматься искусством если по ходу
конец не встретишь самоубийством или дуркой
у меня теперь исключительно бытовые заботы

списал себя со счетов живу за пыльным окном
ян кертиц умер у меня на глазах а я помидор мою
с мылом антимикробным готовлю раствор
чтобы полоскать горло продуло сквозняком

но навсегда будут мои идеологические враги
те кому нравятся ебучие фильмы мишеля гондри
те кто любит кино донни дарко и того актера
еще я ненавижу всех находчивых и веселых

работаю там где корпоративный чай беседа
и сотни компьютеров на тридцати квадратных метрах
конечно я бы хотел жить безбедно
ради безделья на улицах меня бы не было

сидел бы дома смотрел все части крика
финансирувал посадку деревьев в лесах мозамбика
короче делал бы добро которое можно послушать
человеком дела был бы а не хуем на блюде

все суета
по-настоящему я ни о чем не мечтаю
разве только отпиздить мента и жить в достатке
все суета

я бы хотел жить с девочкой в черном ящике
и не соприкасаться с непонятным миром окружающим
стараться не нервничать заботиться о желудке
спрятаться за ширмой от унизительных предрассудков

но злые ветра подули я просто пошел в магаз
по дороге задумался простыл потерял паспорт
трясу военным билетом в банке но там бездушные боты
бот говорю мое фото это мой документ но им похуй

не получить расчета с последнего места работы
нужно писать заявление нужно идти в ментовку
милые мои чиновницы сделайте мне документик
я зарегистрирован тут вот печать в военном билете

давайте хоть справку чтобы работать элементарно
говорят вали в свою сибирь ебаная лимита
но тут у меня хорошая девочка с тесной пиздой
у меня нет денег на поезд и тем более на самолет

но они зубы чешут вяло на стульях ворочаются
иди в хуй это ментура а не благотворительно общество
ушел плакать в кабинке в толчке мақдонольдса
пока наконец не явился вэл килмер в костюме элвиса

говорит утри сопли убей бюрократов ментов барыг
положи на свой паспорт сажай этих сук на штык
нужна не справка а оружие в этой войне со злом
с корпоративным фашизмом и организованным пиздецом

все суета
по-настоящему я ни о чем не мечтаю
разве только отпиздить мента и жить в достатке
все суета

КАФКА

да да ваша компания привлекает меня все просто
прежде всего возможность карьерного роста
личностного роста зарплата как раз для моего возраста
я то ли кассир в красном кубе то ли кладовщик в остине

управляющий Александр нормальный пацан на год старше
у него прыщи вокруг рта уже жена такая же страшная
есть ребенок сходить поссать нужно у саши отпрашиваться
стоя над унитазом не выдавлю капли что дальше

уехать обратно в питер писать большие романы
и брезгливо корчиться как будто пернули за столом
когда кто-то говорит подъезд вместо парадная
стать интеллигентом там я ошибся попав сюда

или еще лучше домик на море рассветы закаты
со мной красивая девочка нам большого и не надо
приняли друг друга навсегда простили и поняли
тихо ебемся плаваем мирно смотрим на волны

прощай сашок иди в жопу иду в раздевалку
две секунды я буду счастлив остальное ебется в сраку
оштрафую за грубость орет мне в пизду идиот
а ведь даже нравилось так в режиме робот работать

какие-то деньги взаймы изменится что-то когда-то
жизнь покупка в переходе работы и зарплаты
вспоминаю как плакал пока точили ножи бюрократы
психически не мог заполнить анкету на загранпаспорт

**молод ли я не знаю не вижу ни океанов ни морей
возвращаюсь домой смертельно устал ужин из овощей
и мне грезится странный прекрасный финал в этой сказке
я в постели тону прижимая к груди томик кафки**

как найти работу и начать жить мне скажет человек
который гадит в ведро двенадцать часов на трудодне
это называется блинопек он стоит на ногах в ларьке
теремок ему нельзя выйти даже в туалет и он говорит

вам пожалуйста ваш блинчик с фаршем испытывайте
приятный аппетит славно что вы снова пришли к нам
приходите еще особенно страшно когда заглядывает
в окно какая-нибудь красивая девочка что делать

и еще острее пахнет поганое ведро и очень хочется
умыться или расцарапать себе лицо от одиночества
один во вселенной с блинчиками деньгами фекалиями
плывешь по сточной реке которая никуда не впадает

в этом мире нет ни морей ни океанов есть камеры
тюремные и рабочие выбирай за рабов или вертухаев
привет участникам инновационного процесса россии
просьба в конце рабочего дня ведро за собой выносите

а в рамках модернизации производства вполне можно
проделать в полу под каждым рабочим уникальную прорубь
чтобы гадить не отходя от станка от плиты от кассы
а на noctleg устраиваться внутри с головой и отсыпаться

назовите этот проект россия молодая и нанотехнологичная
я буду сидеть дома безработный не пойманный с поличным
когда придут говнолюди буду отчаянно обороняться
зачитаю псалтырь или конституцию российской федерации

**молод ли я не знаю не вижу ни океанов ни морей
возвращаюсь домой смертельно устал ужин из овощей
и мне грезится странный прекрасный финал в этой сказке
я в постели тону прижимая к груди томик кафки**



Нечестным будет не сказать: градус искреннего страха перед происходящим в текстах Сперанского, кажется, выше; деталей, в которых обычно дьявол прячется, больше. Или, может быть, Алексин действует сдержаннее. (Дистопия).





ДЕТСКИЙ ПСИХИАТР

(LP, 2009)

МАШИНА ЕСТЬ ЧЕЛОВЕКА

машина ест человека ест человека
ищу место в мясорубке распадаюсь на молекулы
случайно забываю как вести себя в трамвае
сколько в чайник сыпать чая засыпаю под голос лектора

вижу как я лесничий и а. сокуров меримся хуями
и у меня самый маленький потом другой сон
какой-то звон крики пострадавших людей за окном
я будто бы просыпаюсь от неистового цунами

прячусь под одеяло меня нежно окликают по имени
но это не я а корова с десятилитровым выменем
каждая корова мечтает стать бутербродом
как мне приятно макдональд гладит мою морду

потом гильотина блеск лезвие разрезает воздух со свистом
в другом сне мастер не может переустановить windows vista
а в следующем я еду с любимой у меня есть машина
она целует меня но нет не меня а толстого кретина

я затыкаю уши чтоб не слышать нежных слов не мне
зажмурив глаза еще четче вижу в машине минет
заткнув нос остreee чувствую запах этого мудака
звон монет шелест купюр у аптечного ларька

выбирает гондоны хл внутреннего хорька жалобный вой
открываю глаза ушла осознанье одиночества боль
смотрю в одну точку у соседей телевизор пердит
встать почистить зубы не забыть оплатить кредит

машина ест человека ест человека
ищу место в мясорубке распадаюсь на молекулы
путешествуя в мультфильмах под закрытыми веками
внезапно понимаю просыпаться некуда

машина ест человека нет человека
лучше бы помер тогда в гостиничном номере
исчез бы в трубке голос ломаный вектор
заблудился в коридоре так и не найдя ответа

у меня не бывает снов потому что сплю слишком долго
свернувшись одинокой рыбкой на полу под одеждой
в остальной жизни туплю как человек снежный
в сугробе из мусора холода и прочей мерзости

в комке шмоток обнаруживаю себя ближе к вечеру
надо прибраться, сварить кашу помыть сковородку
забрать трудовую книжку со статьей за прогулы
удалить спам из аськи и проверить пустую почту

мне не снится что я привлекаю внимание
случайных попутчиц в метро или троллейбусе
я целый день добираюсь забрать ключ от домофона
мне сделали копию чтобы я не потерял подлинник

живу раскидывая по квартире гондоны
чтобы гости которые никогда не придут за меня выдумали
мою дохуху активную половую жизнь
а я бы им предложил на выбор три сорта чая зеленого

решил отказаться от мяса, стать веганом
чтобы называть людей вокруг себя трупоедами
эмблема макдональдса подсвечивает мое одиночество
когда я возвращаюсь домой опоздав на собеседование

я придумал во сне никогда не просыпаться
ломаю телефон и выбрасываю все будильники
когда голова становится невыносимо ватная
глотаю снотворное меняю трусы и забиваю дверь досками

машина ест человека ест человека
ищу место в мясорубке распадаюсь на молекулы
путешествуя в мультфильмах под закрытыми веками
внезапно понимаю просыпаться некуда

машина ест человека нет человека
я никогда не забрал ключ от домофона
никто не обнаружит мое заспанное тело
соседи так и не запомнят меня как будто меня не было

ТОЛСТИК СТРАДАЕТ

заверила в вечной верности отправила на работу
а сама пошла пошла в гости к одному жирному идиоту
он оказался таким обаятельным уютным купил бухла
не такой уж я и красивый вдруг моя девушка поняла

присела с бокалом сначала на край удобной постели
мне еще саморезы закручивать крышу крыть до конца недели
моя девушка сменила позу на полулежа еще немного
ведь я психованный злой капризный и она раздвинула ноги

я устроил отпуск без содержания несколько сцен ада
потом уехал трудился без выходных стал прорабом
потом получил хорошо и удачно вложился и вот
перестал суетиться работать руками и вырос живот

на днях я их встретил случайно в торговом центре
его не узнал сразу он стал красивым худым и нервным
моя девушка чуть постарела как я пополдничать пообщаться
но вместо того чтобы их прикончить на месте я рас прощался

присел отдохнуть когда гулял в продуктовый и понял
сон в котором забыл банковской карточки номер
породил в моем сердце куда больше страха
чем тот в котором я больше ее никогда не трахну

мир накренился пылает в лучах заката
будний вечер толстяк страдает у банкомата
я получил билет на новый уровень ада
платформа едет в обратную сторону той куда надо

сидьте удобней откиньтесь пристегните ремень
комфортное место роскошный пейзаж в окне
толстяк остается с собою наедине
делает музыку громче страдает вдвойне

мистер мистер одолжите свое пальто
мне очень страшно видите я хожу здесь голым
в метро одному толстому человеку холодно
я думал со мной этого не случится должно быть

мир застрял между вагонами упал с платформы
превратился в адскую кашу прополз мне в голову
мне кажется я испугался и отпустил ее руку
она сказала что ей не нравится моя глупая шутка

а после этого ушла не взяла даже зонт и книжки
я жил один несколько лет ел батон с майонезом
за вечер я съедал столько бутербродов с пепси
что надеялся что люди моего вида не вынесут

однажды я приду в овощной магазин и меня не узнают
вызовут милицию или тех кто собак убивает
вкальвая им сноторное но все прошло нормально
дома я не смог отличить свои пальцы от батона

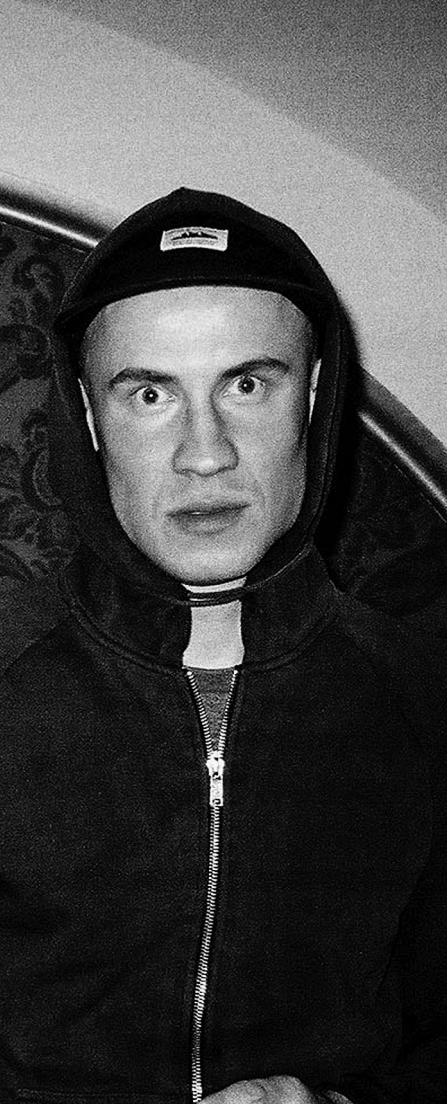
я намазал на них майонез и пожирая включил телевизор
какая разница что есть все равно всем пизда
девушка упала под поезд она забыла дома зонтик
так сказали в эфире и вот я прибежал сюда

мир накренился пылает в лучах заката
будний вечер толстяк страдает у банкомата
я получил билет на новый уровень ада
платформа едет в обратную сторону той куда надо

сидьте удобней откиньтесь пристегните ремень
комфортное место роскошный пейзаж в окне
толстяк остается с собою наедине
делает музыку громче страдает вдвойне



Пальцы сложены буквой «Ш», что означает «шляпа шалопина», а также, как нам поведал барабанщик Арсений, – «два в мохнатку, один в шоколадку». Киев, апрель 2016-го.



КРАТКАЯ ЭКСКУРСИЯ ПО ДИСКОГРАФИИ

Евгений Алексин

«У СЛОНОПОТАМА НА ЭТОТ СЧЕТ МОГУТ БЫТЬ СОВСЕМ ДРУГИЕ СООБРАЖЕНИЯ» (ЕР, 2003)

Первое рождение «макулатуры» случилось осенью 2002 года в Кемерове. Мы с Сынком украли название у романа Буковски и собирались сочинить лучший реп на свете. Оба рифмовали лет с 12–13, основывали сомнительные группы под насмешки и лещи от гопников, у меня был небольшой опыт выступлений в одном районном Доме творчества. Но когда ты подросток, ты больше времени тратишь на что-то другое, на пиво из пластиковой бутылки и безуспешные поиски секса, мы все время собирались что-то записать, но придумывали отговорки.

Ровно через год после того, как название было подобрано, наконец, сделали 7 реп-треков, которые были условно собраны в релиз «у слонопотама на этот счет могут быть совсем другие соображения». Вроде запись сделана в один из унылых дней октября 2003-го. Вообще планировалось гораздо больше треков, но самогон закончился, и домой к однокласснику Сынка, предоставившему компьютер, должна была вернуться мама с работы. На том и закончили, и 5 лет ничего не сочиняли вместе, до 2008-го года.

«ДЕТСКИЙ ПСИХИАТР» (ЛР, 2009)

Второе рождение «макулатуры» – это два текста «детского психиатра», которые были написаны в июле 2008 года (параллельно с «ночными грузчиками» – текстами для «в 2 раза больше боли, в 2 раза больше любви»). Я тогда работал

с «отцом» Маратом на стройке, а Сынок из последних сил преодолевал свое нежелание зарабатывать журналистикой, по-моему, дорабатывая в газете «Мой район». Мы снимали унылую квартиру в двадцати минутах езды от Автово. Там появились «милиционер будущего» и «владимир познер». Писались тексты редко, запись откладывалась, все было сочинено и готово только в конце января 2009.

Вокал в результате записывали в Москве на студии у парня, получившего прозвище Бухенвальдский Крепыш. С нами на запись пришел Михаил Енотов, мы с ним пили безалкогольное пиво, ели мармеладки и штутили, он и дал парню такую погремуху. На Бухенвальдского Крепыша (хотя сам он был заядлым металлистом) произвела впечатление песня «машинаестчеловека», когда мы прослушивали результат, чувак повернулся ко мне на этом писке после припева и сказал: «вот это сильно». А на меня самого – «мегаполис». Когда я сидел в будке-комнатке и в наушниках прослушивал чистовой дубль, все воспоминания минувшей любовной истории нахлынули, и пришлось спрятать морду в поролон, которым для звукоизоляции обили стены. Я вообще мало понимал в записи, все мои знакомые писали вокал за день (EP по 3–6 песен, и это был не реп, а какой-нибудь постпанк или эмо), и мы, особенно Сынок, очень плохо подготовились. Но я был уверен, что десяти часов нам хватит. Только вернувшись в нашу квартиру в Петербург, я понял, что это не что иное, как черновая запись альбома, но удержаться не мог, так хотел пустить это в интернет, что сам все быстренько свел в SoundForge. Но все равно, мало кто это послушал. Через полгода Ваня Квэйнт, мой приятель по ВГИКу, помог нам перезаписать вокал и свел «Детского психиатра» чуть лучше, но он не страдал перфекционизмом в те поры, что понятно каждому, кто это послушал. Первый концерт состоялся в ноябре 2009 в клубе «Танцы».

«ДЕВЯТЬ РАССКАЗОВ» (LP, 2010)

Тексты для «Девяти рассказов» сочинялись с апреля по июнь 2010 года. Сынок тогда осел в Москве и работал на тупнейшей работе в компании «Телемаркер», а я катался по городам, не в состоянии найти себе более-менее постоянную работу. В мае у нас было два концерта: Нижний Новгород и Казань.

В Казани организатором шоу был Маевский, и он предложил нам поиграть музыку с живым составом: басом, на котором сыграет сам Маевский, трубой (с трубачом он вместе халтурил в офисе) и скрипкой (девушкой, с которой он познакомился на пьянке, – она была сестрой его кореша). Короче мы врубили электрические барабаны, ребята взяли в руки инструменты, разок отрепетировали накануне и последним треком на концерте зачитали «г. москва» с оркестром. Маевский призвал меня летом вернуться в Казань и сделать здесь всю музыку для альбома. Он еще нашел великого барабанщика Мартифона, тот за пару репетиций подобрал партии ко всем новым песням. Я съездил в Казань, поучастовал в репетициях, записи инструменталов, а потом засел в пригороде Москвы на станции Загорянская с Суперборисом. Он постоянно откуда-то добывал водку «Казенка» (хотя денег у нас не было), ведь без нее не мог работать. У него мы и записали вокал во время печально известной, адски жаркой поры, и взялись за сведение. Уходило полдня и бутылка на одну песню, за это время как раз второй этаж в частном доме Супербориса превращался в баню. По пояс голые, потные, за вторую половину дня мы разделялись со вторыми ежедневными бутылка + трек. Все делали на ощупь, как слепые котята, Суперборис соврал, что умеет сводить, на деле он просто хотел участвовать в чем-то, что ему нравится.

Но меня все устраивает, все в сумме дает нужный эффект, я бы и не хотел, чтобы этот альбом звучал иначе.

А осенью Суперборис надел на руки чулки и стал клавишником «макулатуры», и это была самая смутная пора нашего ансамбля.

«ОСЕНЬ» (LP, 2011)

Ваша любимая «осень» по-моему альбом не особо удачный, очень разнородный, а по тексту заглавного трека так просто провальный. Сочиняли мы его с октября 2010 по июнь 2011, я тогда устроился работать с Сынком в «Телемаркер», где мы целыми днями смотрели новости и прописывали к ним теги, чтобы сюжеты были как-то отсортированы на сайте компании. Всего на «осень» мы поместили 5 новых треков, и 4 – были переделки старых текстов на новую музыку («карусель», «жан-поль петросян», «вся вселенная», «толстяк страдает»). Так-то это хорошее было время, за дело взялся ваш непокорный слуга Зоран Питич, подсидев сильно пьянствовавшего в те поры Супербориса, и вообще все мы жили в Москве, репетировали относительно часто, но почему-то сочиняли медленно и лениво.

Записывали в июле: барабаны на какой-то студии на Соколе, все остальное у Вани Квэнта. Впервые опробовали автотюн, и Маевский до сих пор уверен, что «Кровосток» вдохновились на трек «Деревня» нашим «толстяком».

«ПАДЕНИЕ» (EP, 2012)

После сомнительной «осени» сложно было взяться за дело. По-моему, за год был сочинен только один трек – «внутренний человек», и с ним пока не знали, что делать. Потом Маевский уехал в Казань и там сочинил несколько музык с новейшим для макулатуры парнем – Михаилом «Корсаненком» Корсаковым, великим клавишником. Также наш друг Оскар взялся за гитару, а Мартифон сно-ва отстучал на бариках. То ли в сентябре, то ли в октябре 2012-го года «падение» было записано в Казани. Свел снова Квэинт, и, по-моему, это лучшая его работа.

В плане текстов или свежих мыслей релиз почти не примечательный, есть хороший трек «острова», ну и неожиданно Сынок порадовал любовной лирикой в самом треке «падение», на мой сентиментальный лицемерный (хотя в этом и его ценность!) куплет он сочинил хорошую добрую поэму. Оказалось, у паца-ненка там сердце распухло до размеров пятиэтажки, неожиданно он стал рас-крываться в этой теме. Я слушал его куплет и плакал в те осенние дни. А послед-нюю песню («педагогическая поэма») мы, кстати, даже ни разу не исполняли.

«РОДИНА ЕДА» (EP, 2013)

«Родина еда» начала созревать во время записи «падения». Трек «внутренний человек» пока торчал, как непроходящий стояк, и надо было от него плясать. Мы переписывались с Лехой Никоновым, он предложил тему для совместно-го трека: «гражданин кантона ури». Я прочитал «Бесов» в поезде из Дели в Гоа,

а текст по мотивам написал уже когда работал посудомойкой в баре Bubble Brunch в деревне Чапора. Это был один из лучших моих текстов, но скоро он утонет в не очень удачной (в целом) композиции. Потом меня повысили до бармена, я заработал денег и поехал в Таиланд, где написал «анатомию труса». Сынок несколько раз репетировал с музыкантами, скоро прислал свои куплеты.

Уже когда вернулся в Москву, мы на репетициях придумали хитовую «юность», и каждый раз, исполняя ее, я жалею, что припел туда Брюса Уиллиса. В остальном припев очень нравится (там я процитировал стихотворение своего любимого поэта Тумаса Транстремера). Релиз был записан в Петербурге в мае 2013 года, состав тот же, что на «осени»: Зоран, Женя Родин, Маевский, Саша Сопенко. Впервые нас записывал и сводил Игорь Карнаушенко из ПТВП. Он мастер хорошего звука, но все же я больше люблю грязное сведение Вани Квэнита.

«ПРОЛОГ» (LP, 2014)

«Пролог» для меня альбом самый важный (пока я еще не разобрался с «пляжем», но сравнивать их не имеет смысла, и вообще после «пляжа» должно пройти время), и тому, кто говорит, что «осень» пизже, надо съесть мясную таблетку, или пропить курс омега-3. Вы глупы, или тоскуете по своей молодости, или уж не знаю по чему, а слушать, наверное, толком и не слушаете.

Сочиняли «пролог» в Казани, я снимал квартиру на пару с гитаристом Оскаром, на басу, как всегда, играл Маевский, Корсаков снова взялся за клавиши специально для нас, а Арсений Коварский, новенький совсем пацаненок, стучал

на бариках. Ходили в гаражный комплекс «Юлдаш» с сентября по декабрь 2013-го года, и там все это сочинили. Понятно, что по текстам там есть пара проходных треков, а есть даже ебучий «дукалис» (я вообще не хотел его записывать, но никто не послушался, и в итоге он нам надоел уже концерта через 3), но такое бывает в сборниках рассказов, что автору и читателю нужна передышка, и появляются эти не пришёл к пизде рукава. Но есть также добротные «пролог», «тейкдаун», «счастье» и «инвентаризация».

Когда все это репетировалось и разбиралось, у меня бывали дни, что я сидел в комнате и по три-четыре дня ни с кем не разговаривал. Оскар уходил на работу рано, после работы выпивал где-нибудь, по возвращении ложился спать. Я тогда отказывался от выпивки и любых развлечений, у меня были сериалы «Метод Крекера», «Простушка», «Во все тяжкие», никаких развлечений и баб, и, собственно, сочинительство текстов с репетициями. Как-то раз я пришел на репетицию и понял, что почти разучился говорить, так странно было произносить слова.

Записывали с Игорем Карнаущенко в январе 2014 года в Петербурге, через месяц альбом был сведен.

«ПЛЯЖ» (LP, 2016)

«Пляж» начался с композиции «валтер», которая была записана и сведена в Москве в последние дни 2015-го года. Тогда мы впервые начали что-то делать с Феликсом. Остальные тексты и музыка писались в марте и начале апреля. По-

том мы с Феликсом заперлись на несколько дней в Петербурге и доделали все аранжировки. Когда приехал Сынок, у нас было три дня, и по музыке все было готово, но пара текстов еще не была дописана. Впервые мы писали и переписывали тексты чуть ли не круглосуточно. Мне, например, в последний момент пришлось выкинуть целиком куплет из «ножевого», потому что он не вязался с музыкой, хотя и подходил к куплету Сынка. В результате все, что осталось от первой моей версии, фраза «я пес», вынесенная в оба припева. Доработка текста на «нейт диаз» вообще, можно сказать, напоминала этот самый главный бой. У меня бывали такие тяжелые смены на стройке, что потом сложно остановиться и продолжаешь хуячить бензопилой даже во сне. Мы уже записали трек 11-го числа, 12-го Феликс все свел, и на следующий день был анонсирован релиз, но я всю ночь ворочался, и во сне ползал между строк, двигал слова и фразы, выкидывал и замерял, и с утра опять переписал текст и сообщил Феликсу, что ему срочно надо приехать на эту съемную на станции Международная хату, названную нами «кРЕПостью», и типа мы будем перезаписывать «нейта», иначе не быть релизу. Тринадцатого апреля в 16 часов мы закончили, а вечером избавились от этих треков, вылив их в сеть.

Больше мне нечего рассказать о «пляже».



Отличный был концерт. Тот редкий случай, когда организаторы с первого раза поняли, что такое «поесть по-вегану». **Новосибирск, июль 2013-го.**





МЫСЛИ О СМЕРТИ НЕ СДЕЛАЛИ МЕНЯ САМУРАЕМ

Игорь Поплаухин

«В тридцать у реперов уже случается альцгеймер», – 14 апреля 2016 года я включил себе новый альбом группы «макулатура» и услышал эту строчку в электричке где-то между Солинцево и Киевским вокзалом. Автоматически подумал, что мне тоже тридцать, пусть я и не репер. Реп мне никогда не нравился, в школе я слушал Земфиру в перемешку с «Гражданской обороной», а в институте перешел на Radiohead. После института у человека редко меняются музыкальные вкусы. Чаще всего он зацекливается на песнях молодости, ностальгируя по лучшим временам. Так происходит, если твоя жизнь лишена круtyx перемен и течет размежено. Если ты не подвергаешь ее бесчеловечным экспериментам и не тестируешь на прочность. «Мы встретились в странный период моей жизни», – этими словами заканчивается фильм «Бойцовский клуб». С «макулатурой» мы встретились в странный период моей жизни – в то время как мои школьные ровесники обрастают семейным жирком, я в свои тридцать понабрал кредитов с долгами и истратил все деньги на съемку художественного фильма. Не пойди я на это откровенное сумасшествие, то наверно никогда бы не узнал «макулатуру» и уж тем более не смог бы принять ее близко к сердцу.

Две недели я слушал альбом на репите, как подросток. Мне нравилось, что слова «блю-рэй дисков» рифмуются с «экстремизмом», «твиттер» с «жизни», «реплаи» с «не помогает». Я не знаю, поймут ли что-то в этих строчках наши потомки, но, на мой взгляд, о действительности только так и нужно петь, упаковывая «фишки времени» в диссонансные рифмы. Мне кажется, первый «унывый реп» принадлежал перу Бродского. Но «макулатура» для меня начиналась не с музыки, а с рассказов моего друга Жени Родина, оператора, с которым мы вместе сняли наше кино. Он играл в группе на гитаре, когда там еще был живой состав,

и ездил с ребятами в туры по регионам. Потом были фотографии в «Фейсбуке» – Алехин, как молодой Венсан Кассель из «Ненависти» и Сперанский с киногеничностью 80 уровня.

Музыка пришла через наушники значительно позже. Воспринимал я ее крайне субъективно – например, помимо зозвучий словов и окончаний меня привлекали какие-то эмоции, выхваченные «между швами» куплетов. Так, стремным холодком вдоль позвонков обдавали вибрации голоса Кости и его нервные интонации на выдохе. Попытаешься кому-то объяснить – удивляться. Что касается смыслов, я не готов был их переваривать здесь и сейчас. Никогда не пойму, как нормальные, не такие убогие, как я, поклонники репа умудряются услышать и пропустить через себя каждое словечко в песне, уяснить и разобрать по косточкам каждую мысль. Видимо, я рефлекторно защищаюсь от прямой трансляции в мозг, и в результате сквозь множество фильтров туда добираются только редкие сентенции, такие, как «мысли о смерти не сделали меня самураем», «ты моя работа над ошибками», «у меня от кого-то родится ребенок», «россия никогда не будет свободной, если я не встречу тебя».

Сложными взаимоотношениями с вербальностью как таковой меня заразил в киношколе мастер нашего курса Дмитрий. Слова лгут, ничего нельзя артикулировать напрямую, любая манифестация преступна, историю надо рассказывать пластически, сценарий – партитура, события – хореография. Во все эти истинны я уверовал настолько глубоко, что слушать реп, как все нормальные люди, мне было затруднительно. Ведь что такое реп, как не постоянная артикуляция, конвейер, производящий слова из мыслей? В песнях «макулатуры» мне не хватало затемненности, маленькой доли иррационального. Видимо, не случайно мне

импонирует, что у еще одного репера Скриптонита из-за его развязно-похмельной дикции процентов двадцать слов попросту невозможно расслышать.

Свою порцию «темноты» я неожиданно получил с лихвой на первом в моей жизни концерте «макулатуры». В силу таких факторов, как издергки живого звука, шумная толпа, место относительно колонок и сцены, всех слов разобрать было нельзя. Песни естественным образом усваивались не напрямую, а будто оседали на подкорке сознания. И это было приятно. Как будто смотришь фильм и каждую минуту с ним знакомишься заново, поскольку не знаешь, что будет дальше. Информация в неконтролируемых дозах поступала и через глаза – как верно было замечено кое-кем из моих друзей, невозможно оторвать глаз от Жени и Кости, читающих реп. Воображение безнадежного визуала было обожжено этими образами. Бывают такие люди – в реальности вполне обычные, но в определенных условиях приобретают черты божественного. Например, если наведешь на них объектив камеры или поставишь на сцену. Причем от самих людей это совершенно никак не зависит, они такими родились. Эта данность завораживает и заставляет обижаться всех, кто много старается, но просто ей не обладает. На финальном треке единственным источником света в зале остался огромный пиксельный экран. На его фоне контуры черных силуэтов Алехина и Сперанского текли и переливались, как голограммы языческих богов. Где-то в этом месте я нежданно словил «экстаз святой Терезы», или как говорит одна моя однокурсница, испытал подлинные мгновения киновозбуждения.

После альбома и концерта, третьим актом моей личной «макулатуры» стал документальный фильм про концертный тур. Из него я узнал, что языческие боги все же смертны. Все 40 минут хронометража они мерзнут в провинциаль-

ных отелях, по-семейному выясняют отношения, забывают слова песен, а еще их динамят собственные же поклонницы в каком-то заштатном кафе. Все это гомерически смешно и оставляет чувство невероятной теплоты. Потому что ты понимаешь, что прежде всего перед тобой не проклятые поэты или крутые реперы, а такие же ребята, как ты сам. Вы думаете плюс-минус об одном и том же, выросли на одних и тех же книгах и фильмах, комплексуете по поводу схожих вещей. Вот так наверно и осознаешь, что у твоего поколения до сих пор есть голос. Есть свой реп. Почему Алексин пишет это слово через букву «е» и я делаю точно так же на протяжении всего текста? Для меня реп – это реперные точки в нашей короткой жизни. Когда тебе стукает тридцатник, безусловно, ты имеешь дело с одной из них. И даже если у меня начнется альцгеймер, я уже не забуду, как в несущейся от Солнцево до Киевского вокзала электричке группа «макулатура» помогла мне понять и простить мой новый неизбежный возраст.



На фото – Саша Сопенко, музей
«Эрарта», презентация «Осени».
Петербург, август 2011-го.





ЧЕСТНЫЕ ДЕСЯТИЕ

Сергей Простаков

Адрес этого stand-alone-блога давно потерялся. Я пытался его несколько раз найти, но безрезультатно. Может быть, когда-нибудь он сам всплынет на поверхности цифрового океана? Не знаю. Но без этого сайта ни один список текстов и явлений, сформировавших меня, будет неполным. Единственное, что я о нем помню – в адресе было моднейшее слово начала конца нулевых и начала девяностых – hipster. Неизвестный мне автор рассказывал в нем о новых альбомах современной российской сцены. О, как я хотел слушать в те годы только крутую музыку ровесников, на которой печатью стояло made in Russia!

Чувак, я шел вслед за тобой. Ты говорил, что слушать MiJuice – это круто – я заранее признавал Downshifting альбомом десятилетия. Ты говорил, не надо во всем доверять рецензиям «Афиши» – я уверенностью говорил то же самое друзьям, державшим в руках фолиант почившего ныне журнала. Ты написал, что надо любить Алексина и Сперанского – я тебе поверил и разочаровался.

Нет, слово разочарование – неправильное. Послушав это один раз, я понял, что больше это слушать не хочу. Стояли крещенские морозы 2012 года. Те самые хипстеры готовились к очередному большому протестному митингу той зимы. В социальных сетях бушевал политический оптимизм. Весной будет оттепель, а всех этих набивших оскомину чекистов и нацистов больше не будет никогда. А два незнакомых мне парня на альбоме «осень» доказывали обратное: будут и чекисты, и нацисты, и ты таким же останешься. Никакой весны – вечная осень. А единственное на что способны хипстеры – это назвать именами наших песен своих детей.

Правильным словом будет – честность. Та честность, синонимом которой выступает пессимизм. Естественно той зимой, полной неоправдавшихся на-

дажд, этой музыке не было места в моем плейлисте, в котором на первом месте стоял щовский призыв «Дальше действовать будем мы».

* * *

Когда я вспоминаю февраль 2014 года – мое сердце сжимается и рыдает на десятки голосов... Сижу, пытаюсь сформулировать. Не нахожу слов. Ладно. Оставим тогда одну фабулу.

В самом начале того месяца в Сочи началась Олимпиада. Какая эйфория творилась в вечер открытия! В едином восторженном вое слились нашисты с хипстерами. Совсем недавно одни сжигали книги на «Селигере», другие на «Анти-селигере» защищали Химкинский лес. Но триумф диктатора праздновали все вместе. Олимпиада удалась! Россия вперед!

Идеалы 2012-го? К черту их! Они были вообще?

В тот вечер мне было стыдно за моих друзей и кумиров.

А на следующий день после открытия игр вышел «пролог» «макулатуры». Я хорошо помнил свое впечатление от «осени» в грандиозном январе 2012-го. Что ж, самое время было послушать новый альбом в мрачном феврале 2014-го.

А какая у него была вызывающая обложка! Как она попала в контекст, в самую мякотку духа времени! И случайно же! Несколько лет я пытаюсь убить в себе веру в сверхъестественное, но такие истории как с «прологом» и его обложкой убеждают: мир сложнее выводов Докинза. Во время открытия Олимпиады над стадионом в Сочи летали головы рабочего и колхозницы от знаменито-

го памятника Веры Мухиной. На обложке альбома эти же полуразложившиеся головы валяются на каком-то пустыре в тумане.

Еще через месяц всем станет ясно, к чему «прологом» были эти головы и этот альбом.

Не будет больше ни хипстеров, ни нацистов – останется одна война.

* * *

Вы, наверное, уже поняли, что моя история про «макулатуру» очень личная. Как у всех. И вряд ли мне удастся ее пересказать в ограниченном объеме этого текста.

Пытаясь сформулировать, что же для меня значит «макулатура», их творчество, я не нахожу ничего лучше, чем написать – это мои две тысячи десятые годы. Время большого очарования и разочарования. Меня, нас сильно потрепало в эти годы на дороге Большой Истории. В начале десятилетия Россия – почти Европа, в середине – азиатская бесчеловечная ебанина без каких-либо надежд на дальнейший успех. В 2011 году я жадно ловлю все актуальное, в 2016 году – все большие зарываюсь в книги мертвых классиков социалистического реализма. О, как сейчас слушался бы альбом «осень»!

Но нет! Он совсем не заходит.

Алехин и Сперанский не из тех людей, которыеозвучны временем. Как мы убедились, они живут в будущем, ясно улавливая в сегодняшних дуновениях завтрашние бури.

И, знаете, завтрашний день по «макулатуре» будет полон любви. Нет, она не будет увеселительным романтическим приключением. Ребята же честные. Ведь, по правде говоря, любовь не бывает безболезненной. Помните же Башлачева: «Объясни, я люблю оттого, что болит, или это болит оттого, что люблю?». Через сегодняшнюю боль мы придем к завтрашней любви – это главный посыл «пляжа».

Из прежних альбомов нужно было выносить пессимизм – сегодня же они настаивают, что нужно учиться любить. Сегодня их честность – синоним надежды.

Десятые годы тоже потрепали ребят, но, дай Бог, нам всем, чтобы в 2016 году их честность нас не подвела.



Карина Ребек

Скитатель трупов

Реклама второго издания любимой всеми книги «Скитатель трупов». Вечеринка после концерта, Саратов, май 2015-го.





ГРЯЗНЫЙ ХРИСТОС

Кирилл Рябов

Иногда мне кажется, что я знаю Женю всю жизнь. Это, конечно, не так. Мы познакомились в феврале 2008-го. «Макулатура» тогда существовала в виде альбома «у слонопотама на этот счет могут быть совсем другие соображения». Мне так понравился трек «грязный христос», что я сделал на него клип, который в основном состоял из сцен экстремальной порнографии и ядерных взрывов. Других записей у них не было, как не было репетиций, концертных туров и мало-мальской известности. Каждый участник занимался своим делом. Женя жил и учился в Москве. Костя в Петербурге. У Жени был совместный с Михаилом Енотовым проект «ночные грузчики». У Кости были винишко, книги и гора модных шмоток.

Время от времени Женя приезжал в Петербург. Мы выпивали и гуляли. Он познакомил меня с Костей. Это случилось на Аничковом мосту. Первым делом Костя спросил, с кем в ближайшем матче играет «Зенит». Шагая в столовку на Садовой, мы трепались о футболе. Первый и последний раз за все время нашего знакомства. На Косте было надето чудное бежевое пальто с большим капюшоном. Раньше я никогда таких не видел.

В начале лета Женя переехал в Петербург. Он устроился работать на строительстве загородного дома, напарником к Марату Басырову. Всю неделю жил на стройке, на берегу Финского залива. А на выходные уезжал в Москву. Мотался туда-сюда. А между делом успевал куражиться, выяснить отношения с девушкой и писать роман. «Хочу сделать себе подарок на день рождения, закончить великий русский роман», говорил Женя. Задуманное он исполнил. Дописал к середине июля. Распечатал на принтере и дал почитать нескольким своим друзьям. Как раз в день своего рождения, который мы отмечали небольшой компанией.

К этому моменту они с Костей сняли однокомнатную квартиру на улице Добровольцев. Прекрасное место. Практически без мебели. С нами была девушка, которая вдруг застучилась, когда Женя и ей тоже предложил взять почитать роман. Сказала какую-то глупость про то, что не уверена, понравится ли ей. Он не стал уговаривать. Забрал распечатку, которую она тискала в руках, и спокойно выкинул в окно. Страницы разлетелись по всей округе. Очень долго никто их почему-то не убирал. По этому поводу Костя иногда шутил:

– Сынок, утром я видел дворника, он читал твой роман. Кажется, ему понравилось.

– Хорошо, если так, Сынок, – отвечал Женя. – Надо будет спросить его мнение. Удалось ли мне раскрыть образ?

«Границы первого уровня» – так назывался роман. Название мне очень понравилось, текст понравился еще больше. Роман получился грустный и немного смешной, смелости и отчаяния там тоже хватало. Я прочитал его за пару дней. Распечатка до сих пор лежит в моей старой квартире. Кроме романа были рассказы и повесть, написанные раньше. Вообще в тот момент я воспринимал Женю в первую очередь именно как писателя.

По выходным, обычно с утра, я приезжал к ним в гости. Костя в это время всегда делал какую-то чудовищную зарядку, которая длилась два часа. Мы с Женей успевали сходить в магазин, купить водки, прийти, врезать, а он все наяривал свои упражнения. Потом Костя выпивал с нами рюмочку, или не выпивал, и куда-то уезжал. Может, на учебу, может, встретиться с бабой. Он не любитель был сидеть дома. А мы продолжали пить, слушали эмокор, примеряли Костино модное пальто (иногда Женя в нем спал или ходил за пивом,

несмотря на жару, да и я пару раз надевал) засыпали на полу в комнате, просыпались, похмелялись и шли гулять. Ехали куда-нибудь или шлялись по окрестностям, попивая пиво. Там была речка, которую Женя прозвал «ГовноПлюйка», потому что состояла она, кажется только из говна и харчков. На берегу этой речки мы сидели очень часто. Еще нам нравилось Марсово поле. Его Женя называл «Адское поле». Красивое и удобное место. Прекрасные виды вокруг. Пить можно было на газоне или на скамейке. А потом, если приспичило, пойти в кусты и облегчиться. Кустов там хватало. И от каждого неслышино ссаньем на десять метров. На газончике Марсова поля я первый раз услышал «владимира познера». Женя прочитал его как стихотворение. Но, видимо, запланировал в качестве нового ударного трека.

В эти дни «макулатура» вышла из отпуска, спячки или комы. Женя и Костя решили записать второй альбом. Женя купил ноутбук и в свободное от работы на заливе время резал сэмплы и репетировал свои партии. Костя по каким-то делам поехал в Кемерово. Я все так же приезжал по утрам в гости, когда у нас с Женей совпадали выходные. Пил, лежа на полу, а Женя пил, сидя за ноутбуком. Между выпивонами он включал минус и читал свой реп.

– Ну, как, Сынок? – спрашивал Женя. – Заебись? Качает? Сейчас еще разок зачитаю.

Как-то раз он прочитал «милиционера будущего» раз восемьдесят, и этот текст, прочитанный его голосом, еще неделю звучал у меня в голове. Костины тексты я услышал только на альбоме. До этого я читал лишь его прозу. Иногда он писал рассказы и выкладывал в интернет. Один начинался с такой фразы: «Как будто кто-то нассал в молоко – такой в нашем городе рассвет». Разве не

замечательно? Зло, весело и храбро. Однажды я сказал Жене, что если бы Костя относился к своей писанине и вообще к своему творчеству хоть немного серьезнее, он бы спокойно заткнул нас всех за пояс и носил, как трофеи.

— Да ему лень просто, — ответил Женя. — И не интересно. Надо будет, пожалуй, отпиздить его, чтобы взбодрить. Но я пока не готов. Отстаю от него в силе. Вот подкачаюсь на работе. Потаскаю бревна, покопаю траншею...

Правда, один раз они немного подрались. Все это было в шутку, но махались они при этом всерьез. Бой был равным. В какой-то момент Костя достал Женю правым джебом. А ответить Женя не успел. У Кости запиликал мобильник, и он моментально забыл про драку.

Для записи альбома был куплен микрофон в ближайшем компьютерном магазине. Женя выбрал самый дешевый, рублей за сто. Однажды во время очередной пьянки-репетиции, когда я привычно лежал на полу с водкой, Женя вдруг на что-то разозлился, пизданул кулаком по ноутбуку, схватил микрофон и громко в него пернул. Я немного отполз в сторону на всякий случай.

— Только Сынку не говори, — сказал Женя. — А то он никогда не согласится читать в этот микрофон ебаный.

Я ничего не сказал. Да и как бы это выглядело? Встречаю я Костю и шепчу ему: «А ты знаешь, Женя тут в микрофон напердел, пока тебя не было, так что ты осторожнее, старайся губами не дотрагиваться».

В конце августа Костя вернулся в Петербург, и они стали репетировать вдвоем. Микрофон Женя выбросил. Альбом писался в Москве, в студии и был закончен в 2009. Назывался он «детский психиатр». Осенью в клубе «Танцы» состоялся первый концерт «макулатуры» в Петербурге. Народу тогда было мало,

человек тридцать. Причем, половина – случайные посетители. Теперь это кажется странным. На концертах «макулатуры» хрен развернешься.

Прошло все отлично. Никто из зрителей не съебался от скуки или стыда за происходящее. Какой-то крепко вдатый дядя ходил по залу и спрашивал:

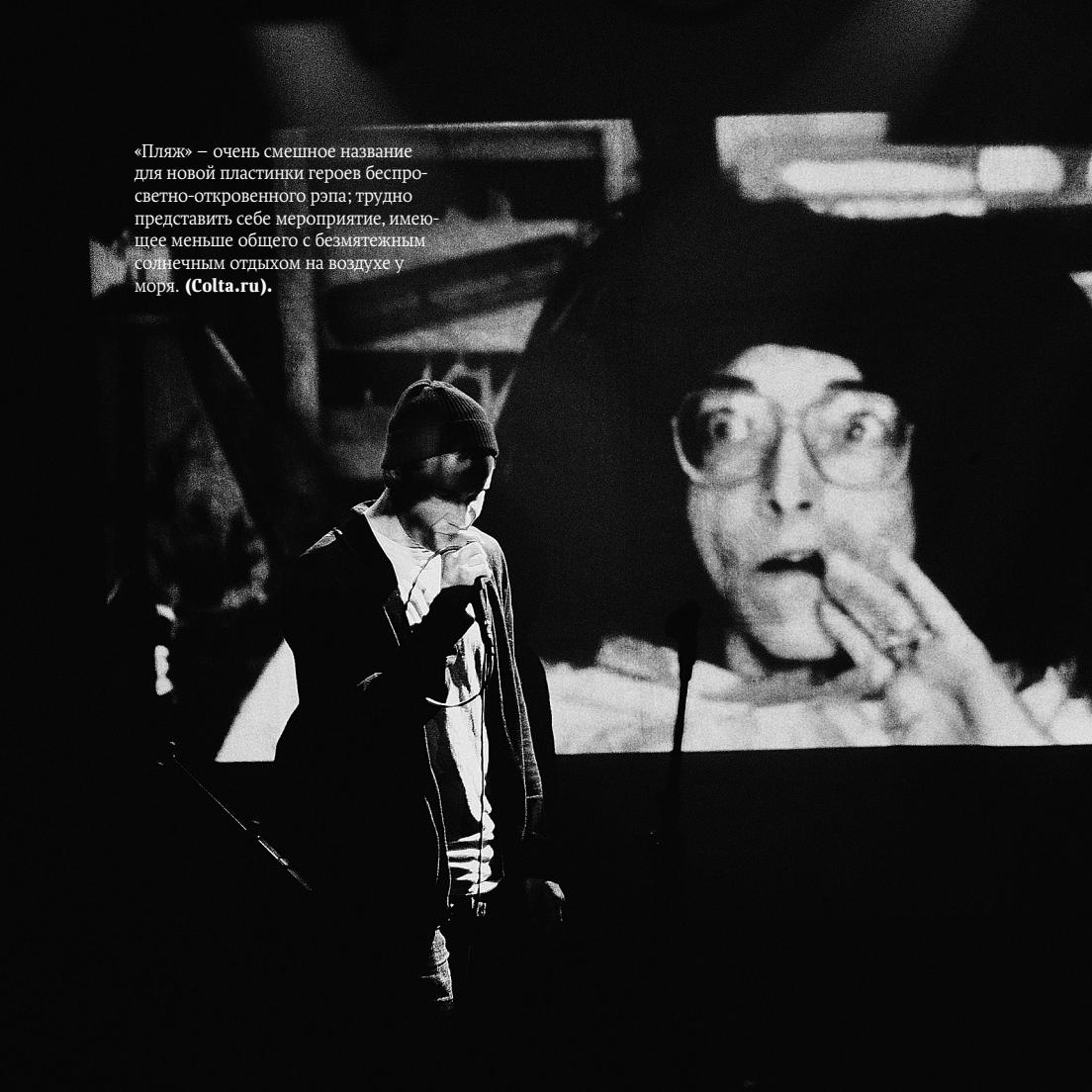
– Это что за парни? Кто такие? Как называются?

Чем-то он был похож на продюсера Иосифа Пригожина. И я даже предста-
вил, что это настоящий Пригожин. Якобы он забухал, сбежал от жены и ее детей,
спрятался в холодном Петербурге и напивается в клубах и барах. И тут он слы-
шит «макулатуру» и думает: «Хоба! Надо разобраться. Они лошье, будут на меня
до седых яиц ищачить за еду». Потом идет в гримерку и предлагает подписать
контракт. А Женя шлепает его ладонью по лысине и говорит:

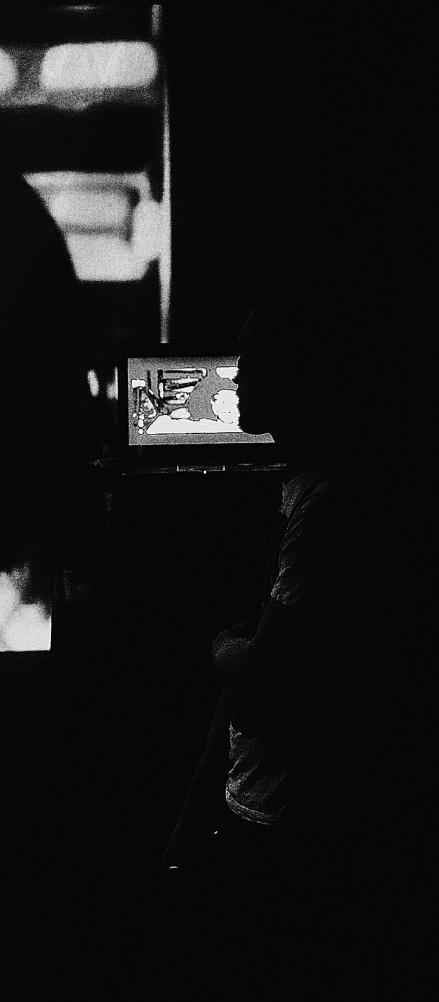
– Пожуй говна, дед!

В тот вечер я, кстати, был почему-то совершенно трезвый.

А перед концертом просил пацанов прочитать реп «грязный христос», но
они, наверное, решили, что я пошутил, и ограничились лишь треками из нового
альбома. Может, когда-нибудь и прочитают. Хотя нет, конечно.



«Пляж» – очень смешное название для новой пластинки героев беспросветно-откровенного рэпа; трудно представить себе мероприятие, имеющее меньше общего с безмятежным солнечным отдыхом на воздухе у моря. (Colta.ru).



ПАРАХОД АЛЕХИН

Валерий Айрапетян

Я помню ту осень 2007-го года, кажется, месяц сентябрь желтел за окном, когда перед тем, как отправиться на работу, решил «на дорожку» полистать тексты на сайте Проза.ру – адовою раю графоманов, сумасшедших, непризнанных гениев и домохозяек, в чьи плотные ряды, пару месяцев до того знаменательного дня, вклинился и ваш покорный слуга. Наугад открывал страничку автора, начинал читать выставленный на всеобщее обсуждение текст, редко превозмогал первые два абзаца, еще реже оставлял комментарий. Бывало, правда, попадались вполне себе замечательные вещицы, которые можно прочитать и не поперхнуться, но чаще чтение прозаруженного контента было сопоставимо с преодолением проволочных заграждений Вердена. Перепрыгивая со страницы на страницу, я то ли наткнулся на комментарий и по нему перешел на страницу автора, то ли перешел на нее с главной страницы сайта, это не важно, а важно, что я начал читать текст, оказавшийся первой главой тогда еще не написанного романа, в первой своей редакции получившего название «ЦУК». Глава называлась «Впечатления от сентября». Я читал и глазам своим не верил – так это было здорово написано. Как говорится, взял меня автор за яйца и совершил бросок, и вот он я – качусь ко всем чертам и возношуясь к ангелам небесным. За этим текстом последовали другие. Был, помню, рассказ «День святого электромонтера» среди прочих, помню также, что, читая, сжимал кулак и невольно вскрикивал «ух, блять!» – так это чтение меня пробрало. Из этой воронки вытянул звонок клиента, который минут пятнадцать как уже ждал меня в салоне, до которого от моего жилища был ровно час пути. Пришлось сочинять форс-мажор и переносить встречу. Я продолжил чтение.

Автора звали Евгений Алехин.

Завязалась с Женей переписка. Алехину едва исполнилось двадцать два, жил он в общежитии ВГИКа и, как положено большому писателю, страдал. Зрелость текстов (выстроенный сюжет, продуманная композиция, мастерски скрепленные в предложения слова) соотнесенная с нежностью авторского возраста добавляла к впечатлению от прочитанного еще и толику восторженного удивления. Прожужжал все уши питерским молодым писателям этим Алехиным (я вообще мастер рекламы, но поздно это понял). Тогда же на Проза.ру активно тушили Марат Басыров, Кирилл Рябов, Олег Лукошин и многие другие. Лукошин Алехина не оценил (он из тех авторов, которые через запятую ставят себя четвертым номером после Толстого, Достоевского, Чехова), а Рябову и Басырову он очень понравился. Мы уже много лет дружим с Кириллом и Маратом, а тогда все только начиналось.

И вот появилась возможность с Алехиным познакомиться: меня пригласили на форум молодых писателей в Липки, а у фонда, что устраивал мероприятие, офис у метро «ВДНХ», и общежитие ВГИКА в этом же районе. Договорились с Женей, что он нас (я был с писателем Дмитрием Ореховым) встретит у метро в семь утра (поезд прибыл в шесть ноль-ноль) и мы посидим у него в общаге до десяти, пока не откроется офис фонда. Стоял октябрь, лил дождь, мы с Ореховым курили под козырьком метро и ждали Женю. Спустя какое-то время из сумрака вынырнул молодой человек с недоброжелательным лицом драгдилера и спросил, не мы ли писатели.

— Мы, — ответили мы.

— А, ясно, — сказал драгдилер, улыбаясь половиной рта, — писатели, а на ба-рыг с рынка похожи. — И так презрительно махнул в сторону наших больших спортивных сумок. — Ладно, пойдемте. Я — Женя.

Взяли в магазине водки, пива и закусок, оставили паспорта на вахте, поднялись в комнату Жени. Он все недоверчиво так на нас посматривал и улыбался каким-то своим мыслям. Орехов пить в такую рань отказался, а мы с Алехиным, пока варились сосиски, влупили по сто – за знакомство. Женя сел к компьютеру и неожиданно для нас произнес:

- Сейчас я покажу вам, под какую порнуху больше всего люблю дрочить.
- Мы с Ореховым переглянулись. Женя открыл видеофайл и нажал «плей».
- Вот эта – пояснил он.

Перед нами предстал сидящий на диване здоровенный негрила с огромным эрегированным членом, на который, спиной к нам, насаживалась брюнетка с выпуклой, размером с два баскетбольных мяча, жопой. Негрила что-то бубнил про «бич» и «биг кок», а брюнетка все орала и просила негрилу «фак май пусси».

Я посмотрел на Диму Орехова. Ладно я – ко всему привыкший бродяга, лояльный к неграм, и брюнетки мне нравились всегда, тем более с крепкими задами. Но Орехов – нет, не расист и не женоненавистник – потомок Миклухо-Маклая, внук академика Раушенбаха, настоящий петербургский аристократ, воцерковленный человек, написавший на тему православия около двадцати к тому времени книг... Орехов смотрел в пол, качал головой и смущенно улыбался. Ознакомившись еще с парой-тройкой видосов из топового Алехинского порносписка, я предложил сходить за сосисками и перекусить. К десяти мы уже изрядно напились: не помню – проводил нас Женя до здания фонда или нет.

Когда мы с Ореховым уже ехали в автобусе, он вдруг повернулся ко мне и сказал:

- А знаешь, этот Женя – совершенно замечательный парень.

Большинство людей устроены так: кажутся более самоуверенными, более дерзкими, пропитанными «чувством собственного достоинства» (кто-то ведь догадался придумать такое чувство!), осторожными – короче, кажутся взрослыми. Они берегут ото всех своего внутреннего мальыша: сгусток чистой радости, родительской любви, неоскверненной рефлексией памяти и легкой, как материнский поцелуй на ночь, детской грусти. Берегут, прячут, а в итоге малыш умирает, как некормленый тамагочи. У Алексина все наоборот: человек он рано повзрослевший (ответственный, целеустремленный, принципиальный, волевой, развитый – не человек, епта, а пароход!), но ощущающий себя ребенком, и никаких барьеров, разделяющих этого ребенка и мир условных взрослых, не выстроивший – оттого и не боится ребенка этого выставлять напоказ, и даже не «не боится», а не ведает, что можно как-то по-другому существовать. И вот эту вот открытость, проявленную в предложении едва знакомым людям посмотреть его любимую порнушку (посмотри мою любимую игрушку) – и оценил Орехов. Считал верный код послания. Из этого же его устройства выплывают на свет тексты и посты про то, как он обосрался (мам-пап, я покакал), как подрошил, но от этого не стало легче (дергал за писюльку, а теперь болит), как плакал (проснулся, а дома никого). Плач Алексинского героя – это совершенно отдельная тема исследования. Плач этот сейчас дружно подхватили молодые писатели – хлебом их не корми, дай поплакать: дань традиции. Скажут – а как же Лимонов? Плач Лимонова, Эдичкин плач, он совершенно иной природы – Лимонов плачет от злости и любви к женщине, от невозможности совершить Революцию (поиметь Историю – тоже плач по женщине), от того, что мир не видит его – Эдичкиных – устремлений и жертв. Герой же Алексина может плакать просто

так: оплакивать себя в чужом мире, сам мир, порезанный палец, одиночество, неприкаянность, частое мочеиспускание, бессмысленность всего и вся. Ни у того, ни у другого плач не имеет ничего общего с нытьем, это, скорее, метод взаимодействия с реальностью, канал, сквозь который тянется пуповина, на время соединяющая ищущую душу и мир, примиряющее внутреннее с внешним зелье. Собственно, и треки «макулатуры» (чистой воды литература), в полуслугу обозначенные отцами-основателями – Женей и Костей – как «унывый реп», являются продолжением той славной традиции, которую мы, подтрунивая друг над другом, окрестили простой, но всеобъемлющей формулой: «ебу и плачу».

Никогда у меня не было сомнений в этом парне: стержень не спрячешь за пеленой слез, не размажешь его вместе с соплей. Неприкаянный, злой, ранимый, страдающий, чувствительный к чужому успеху, Алексин, в нужный момент отказывается от спиртного, утирает сопли и принимается воплощать то, что задумал. Сел за роман – написал роман – издал роман в крупном издательстве. Из юношеских, на пару с Костей, экспериментов с эпом создал «макулатуру», с Михаилом Енотовым – «ночных грузчиков», колесят теперь от Владивостока до Калининграда. Не сошлось с крупным издательством, послал крупное издательство нахуй (как и ряд литературных журналов до этого) и создал свое – независимое, теперь уже с именем. Начал сниматься в кино и сразу в главных ролях. Решил снять сериал, и через неделю уже, без гроша в кармане, приступил к съемкам. Женя обладает редким для художника даром – делать дело. Пока другие разгоняются, пока разглагольствуют за бутылкой, почесывая затылок, что де надо бы (сесть за роман, написать картину, снять кино), Алексин приступает к работе. Обладая сверхрефлексирующей натурой («не трогайте меня, пожалуй-

ста, я хочу прожить жизнь в своем домике под одеялом»), ему удается сокращать дистанцию между замыслом и воплощением практически до ноля. Идея-замысел-реализация. Наглядный образчик для книжек с секретами тайм-менеджмента, успеха, богатства и пресса на восемь кубиков. Стеснительный от природы, он развил в себе недюжинные организаторские способности, умение обращаться с финансами (да-да: в этом человеке барыга соседствует с писателем, и они даже не ссорятся!), и что самое сложное – с людьми.

Молодец, Сынок.

Как-то так само собой вышло, что с Женей мы стали называть друг друга «Сынок». Вот пишу «Женя» или «Алехин», и что-то не то, «сынок» просится на бумагу. Тут какая дилемма: если Женя мой сынок, то он брат моим детям, если же сыном Алехину прихожусь я, то он им уже не брат, а дед. Согласитесь, существенная разница. Сидим в столовой, например, и я ему через зал: «Сынок, будешь чай?», а он в ответ: «Нет, Сынок, я компота бы выпил». Мы уже привыкли, а люди переглядываются. Невысокий седеющий армянин, с профилем ростовщика и грудной клеткой кузнеца и юноша со зрелым не по годам лицом – словно сошел с картины Гелия Коржева «Живой заслон». И друг дружку «Сынками» кличут.

А что касается того клиента, о котором я позабыл, пока впервые читал Алехина, то он, видимо, обиделся и больше не приходил. Вот мы с сыном друг на друга не обижаемся, потому и дружим по сей день. В следующем году десять лет как. Если сынок развязает к тому моменту, можно будет отметить. А пока давай, Сынок, приходи ко мне на оздоровительный массаж спины. Адрес знаешь. Жду.





В этом клубе зал был похож на душную кишку, но в гримерке было здорово. Вышли коньку, обсудили реп с местной интеллигенцией. **Киев, апрель 2016-го.**



РУССКОЕ ЗОЛОТО

Антон Секисов

Думаю, что меня с Жукой и Костей по-настоящему сплотило жесткое алкогольное отравление. Я тогда работал в отделе культуры «Российской газеты». Вроде бы меня там не сильно мучили, не заставляли кого-то хвалить или ругать, но нервы были на пределе – возможно, все дело было в вывеске. Каждый день приходилось заходить в дверь под вывеской – «Правительство РФ» или как-то так (не могу проверить, похоже, ее уже убрали), вычищенными золотыми буквами. Я как будто физически ощущал давление этих золотых букв на плечах. А еще я сидел в одном кабинете с музыкальным критиком, 50-летним самодовольным мудаком, который все время вворачивал в разговор фразы, которые должны были демонстрировать, что он типа на дружеской ноге со всякими «звездами» – например, «Я Борьке тысячу раз говорил» (про Гребенщикова) или «Звоню я как-то Дианке (Арбениной) – и говорю, – ты че, типа, совсем рехнулась?». В принципе, в той или иной форме это проявлялось у большинства коллег. И я думал, что если подзадержусь в журналистике, то стану точно таким же, совершенно незаметно. Я боялся потерять себя, но и уйти боялся тоже – другой работы не предлагали. В общем, когда ехал на встречу с паянами, хотелось просто напиться, мозги отключить.

Мы встретились в «Бирмаркете». Жука только вернулся из Тая или Вьетнама, не то чтобы загорелый, но очень жизнерадостный – все время наставлял на меня камеру и говорил что-то обидное про мою прозу. Костя выглядел тоже жизнерадостно, по его меркам – он еще не успел уволиться, или только уволился из той самой «потонувшей редакции», так что был при деньгах, ну еще и при бабе – той самой, чьи «черные волчьи глаза» будут его преследовать еще очень долго и, возможно, до конца никогда не перестанут.

«Она же не любит тебя, Сынок. А я же хочу, чтобы тебя любили», – сказал Жука про «волчьи глаза», когда та пошла в туалет. Костя ничего не ответил.

С Жукой мы выпили по паре-тройке пшеничных трипелей и решили догнаться в «Граблях» самой дешевой водкой. Она называлась «Русское золото», кажется. После чего поехали ко мне втроем – «черные волчьи глаза» куда-то пропали. Водку нам подсунули наипоганейшую, и мы с Жукой блевали как одержимые до утра, а я проблевал еще и весь следующий день, чего со мной никогда не бывало – под конец тех суток я всерьез начал думать, что могу и не пережить этого. Тем вечером я еще зачем-то разворочил Костин контейнер для линз – и он не смог на следующий день поехать на работу.

После той ночи я проникся к пацанам особенной теплотой – они видели totally беспомощным меня, я видел totally беспомощными их – мы с Жукой валялись на полу, а Костя, который не отравился, потому что почти не пил, просто бродил без линз как без глаз, натыкаясь на стены. Наверное, это очень русский вариант завязывания дружбы. Еще в тот день я подарил Косте кружку со своим еблом, ее мне когда-то подарили на день рождения, а она ему полюбилась. Потом Костя вернул мне ее на несколько дней, чтобы я снялся с ней в клипе «макулатуры» на песню «счастье».

Через некоторое время Костя расстался с «черными волчьими глазами» и стал страдать. Жука над его страданиями подщучивал, а потом оказался в том же положении с будущей женой Дашей. Незадолго до этого мы с Жукой очень сблизились – он жил какое-то время в моей тогдашней суперзасранной квартире, в тот же период он выпустил мою книжку, мы замутили сериал. Великое было время, хотелось бы его повторить, но только с гораздо меньшим количеством алкоголя.

Группу «макулатура» я уважал уже по факту того, что в ней присутствуют эти два пацана, но до недавнего времени относился без должного восхищения. Не знаю точно, почему так, ведь Жукину прозу я очень люблю, а Костю считаю гением особого рода – Костя пишет гениальные аннотации к книжкам, гениально ведет свой профайл на аск.фм, Костя гениальный проебщик, ну и так далее.

Возможно, все дело в том, что я просто не люблю реп, с детства: раньше, когда кто-нибудь начинал издавать звуки, которые можно классифицировать как «реп», мне хотелось сделать так, чтобы он перестал это делать, или уйти как можно дальше от источника чтения репа.

Этой весной Жука прислал мне пару стишат для «пляжа», и они мне понравились. Там были хорошие образы. Кроме того, само собой, поскольку это мои друзья, я намеревался прослушать альбом от начала и до конца в любом случае. Когда включил, особенно ни на что не рассчитывал, но потом поймал себя на том, что слушаю отдельные треки снова и снова. Не могу перестать слушать. Наверное, тут все сошлось – стихи, музыка, которую сделал Феликс, плюс еще понимание, из чего вырастает «пляж», в смысле, из каких эмоций, – в общем, давно чьи бы то ни было музыкальные альбомы на меня не производили такого впечатления. Захотелось что-то срочно сделать – влюбиться или хотя бы переехать в другой город, в общем, как-то выйти из привычной системы координат, перестать чувствовать себя рассудительным, охладевшим к «подростковым страстиам» дядей под тридцать лет, и хотя бы отдаленно почувствовать то, что пережили пацаны и что подвигло их на написание «пляжа».

Ну и через некоторое время мне довелось познакомиться с одной бабой. Я позвал ее гулять по Донскому кладбищу, мы выпили портвейна в его окрест-

ностях, и вскоре я подумал, что, пожалуй, уже люблю ее. Хотелось прямо сразу же сообщить это моей новой странной, слегка суматошной бабе, но я решил попридержать эту информацию хотя бы до второго раза. Ничего подобного я не переживал давно – не буду говорить, насколько давно, чтобы не слишком ее избаловать. Вряд ли, конечно, она оставила бы меня равнодушным без «пляжа», но без него здесь точно не обошлось.



Вот музыка «макулатуры», мрачный упаднический рэп с большим количеством неймдроппинга и самоуничтожения; а вот сами ее авторы – симпатичные, немного нелепые и очень обаятельные люди, которые все время шутят над собой и над реальностью и в быту относятся к миру совершенно без той звериной серьезности, что напрягает меня лично в творчестве их ансамбля. (Александр Горбачев о фильме «Внутренний рэп»).





КРЕПКО ВЫССАТЬСЯ

Марат Басыров

Сначала я познакомился с Женей, это был 2008 год. Он приехал из Москвы в Питер немного поработать и носился по участку с полной тачкой песка как заведенный. Я тогда еще подумал: Эге, да этот парень трудоголик! Его не остановить!

Женя все делал быстро, вкладываясь по полной. Банку пива выпивал за минуту, ел, почти не жуя. Про работу я уже сказал – работать он любил. В отличие от меня, он не был сентиментален – ему всегда было плевать, какое над головой небо, красивый ли закат, светлы ли белые ночи и так ли они загадочны, как говорят. Конечно, он заострял на чем-то свое внимание, но я никогда не смог бы сказать – на чем. Если бы не читал его писаницы.

Костя тоже показался мне забавным – помнится, в день знакомства мы ехали в метро, и он рассказывал мне, как ему приходится голодать, чтобы купить какой-то там дорогущий джемпер. Еще у него были красные кроссовки – он выходил в них на улицу, как тореадор – на арену, только вместо шпаги у него были лишь кулаки, но и этого казалось достаточно. Один раз я видел, как он разминается, выкидывая их перед собой.

- Не хотелось бы попасть под этого град, – сказал я ему тогда.
- Ты что, Отец, – удивился он. – Никогда такого не произойдет.

Однажды мы все вместе поехали в Петродворец, вернее, поехали я и Женя, а Костя встретил нас уже там. Они хотели просто погулять по улицам, но я заманил их на Фонтаны.

- Самсон, разрывающий пасть льву! Это нужно видеть!
- Судя по их скептическим физиономиям, плевать они хотели на Самсона и льва, но изуважения ко мне все же пошли.

— Только без фотографий, — предупредил Костя. — Не дай Бог кто-нибудь увидит — позору не оберешься.

Честно говоря, благодаря этим двум мне многое пришлось пересмотреть в себе. Прощаясь, Костя прочитал мне отрывок из «Лансароте» Мишеля Уэльбека: «Встреча Нового года у меня прошла неудачно: я попробовал подключиться к Интернету, но не сумел. Я недавно переехал в новую квартиру; наверно, надо было заново установить модем или что-нибудь еще. Безуспешные попытки подключиться к Сети скоро меня утомили, и к одиннадцати часам я заснул. Такой вот современный Новый год».

— Вот, что мне нравится, — сказал Костя. — Если писать, то именно так.

Мы продолжали работать с Женей возле залива, кричали чайки, светило солнце, на тот момент я был влюблён и восторжен, а у него, наоборот, рушилась личная жизнь. Кажется, он очень страдал, хотя и старался не показывать свои чувства, только однажды взбежал на кучу щебня и стал нечленораздельно орать.

Потом, полгода спустя, мы с Женей начали ставить двери. Приходя в очередную квартиру, распаковывали сумки, и пока я настраивал инструмент, Женя снимал с петель двери и выламывал из проемов коробки. Он выдирал их, как опытный стоматолог выдирает зубы, и за какие-то полчаса квартира превращалась в щербатый рот. Ближе к обеду Женя обращался к хозяину с просьбой напоить нас чаем, — это звучало как само собой разумеющееся, — и тот моментально начинал суетиться, причитая «конечно, конечно», хотя минуту назад даже не думал об этом. Мне это нравилось — я сам никогда бы не попросил нас накормить.

Через год я был влюблён в другую женщину, у Жени тоже была новая любовь, даже Костя из родного Кемерова привез себе девушку. Он долго не мог с ней спать, уверяя, что это не в его силах, что он настолько сильно в неё влюблен, что даже невинный поцелуй может стать святотатством.

— Ну, представь, Отец, — говорил он, — ты своим эректированным членом тычешь в любимое существо, просиши пососать — это же мерзко! Даже если перед этим ты его трижды помыл настоем из фиалок, все равно это грязно.

— С ним надо что-то делать, — говорил на это Женя. — Я всерьез за него беспокоюсь. Он совсем ебнулся с этой платонической любовью.

Ну да, это был чистый Платонов, его «Река Потудань», но литература всегда была рядом с этими двумя. Казалось, не они ее любили, а она — их.

Раньше мы все тусовались на Прозе.ру. Стыдно в таком признаваться, но это было. Именно там я виртуально познакомился с Женей, и там же — с Костей. Надо сказать, оба мне многое дали в плане писанины. У Жени были отличные рассказы, а Костя был мастером короткого отзыва. «Хотел съесть коржик, — написал он мне как-то под очередным моим опусом, — а вместо этого пришлось вгрызаться в кусок кровавого мяса».

Время от времени Женя подсовывал мне свои реп-тексты.

— Как? — спрашивал он.

Я пожимал плечами — его прозаические вещи казались мне сильнее. Откровенно говоря, я не понимал, зачем ему это нужно. Он был прекрасным писателем, я на полном серьезе считал его таковым, так зачем размениваться? Зачем ему концерты и кино, в котором он снимался, или которое хотел снимать сам? Кроме этого, он мечтал стать отменным установщиком дверей и еще черт знает кем.

Костя переехал в Москву, Женя жил то в Питере, то в Москве, ездил автостопом отсюда туда – и обратно. Казалось, ему не нужны были деньги на одежду и еду, только – на лечение простатита, все остальное можно было украсть. Это их повальное увлечение магазинными кражами как вызов, как бунт. Слушая об этом, я седел от страха, у меня неприятно щекотало под мошонкой, когда я представлял, как они украдкой рассовывают по карманам пакетики с орешками и вино, как прячут за пазухой колбасный сыр и йогуртовые стаканчики, как проходят мимо магазинных охранников с полными капюшонами еды. Думаю, недаром роман Кости, написанный им в то время, назывался «Родина-еда». Тот случай, когда название больше и емче самого текста. Их несколько раз ловили, но каждый раз они либо откупались, либо съезжали на тормозах.

Помню первый концерт «макулатуры» в клубе «Ганцы». Помню зал, похожий на помещение сельского клуба, двадцать человек народу, бутылки на полу. Контигент был еще тот – гопари и рок-н-рольщики, пустыми глазами глядящие на сцену в поисках неизвестно чего, какого-то единственного понятного им смысла. Но там, на сцене, были только Женя и Костя, с микрофонами в руках, немного растерянные, но отчаянно храбрые.

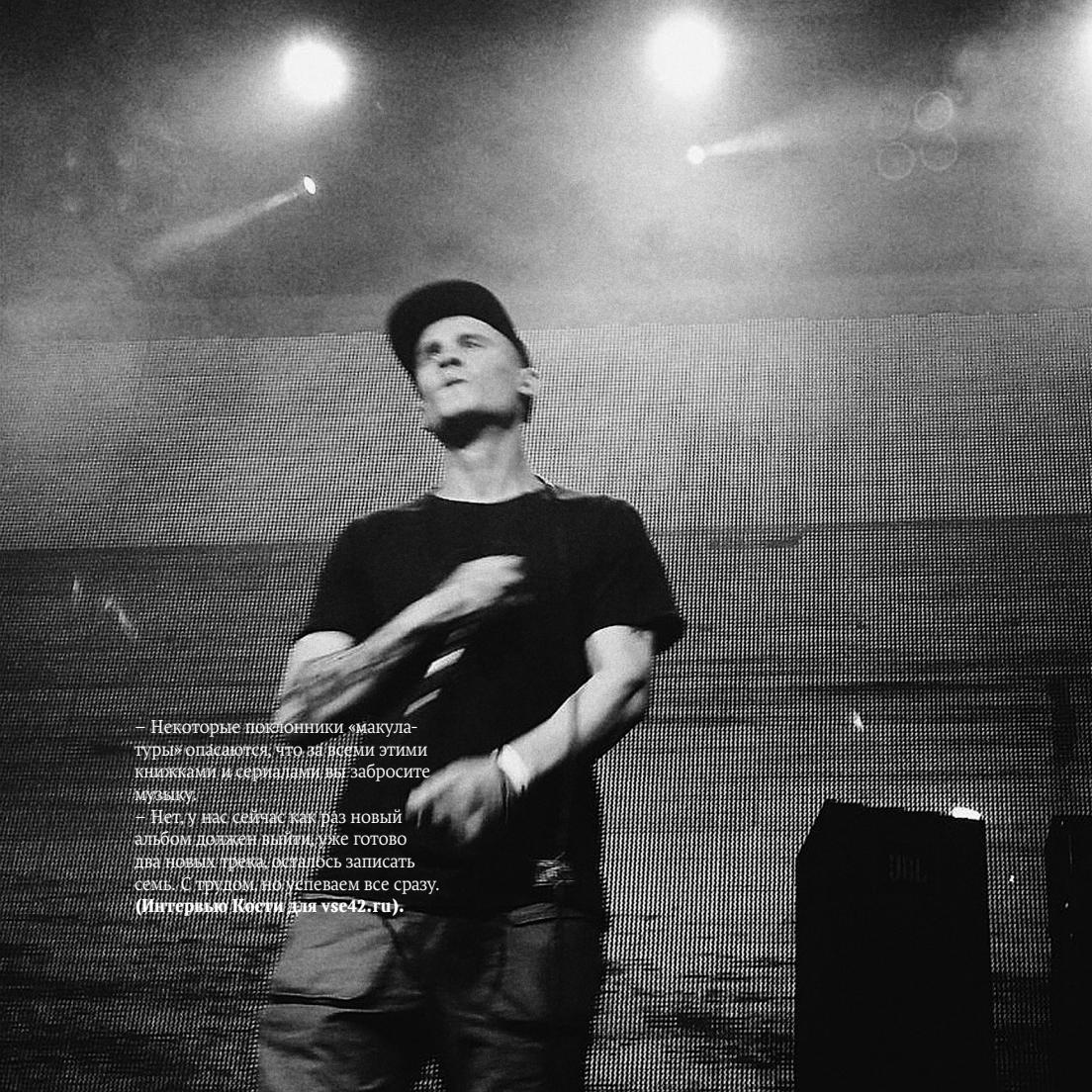
С чего-то ведь нужно начинать, вот они и начали. Я смотрел на всю эту ка-жущуюся нелепость и не мог представить, что все это продолжится завтра и два месяца спустя; что и через пять, шесть, семь лет они будут выходить на сцену и читать свои яростные тексты, кричать в микрофон, а сотни человек будут слушать – тогда это казалось невероятным. Но что-то было в них, в таких разных, что позволило им объединить усилия и продолжить. И превратиться в достояние. В достояние двух или даже уже трех поколений двадцатилетних юнцов.

Черт, я действительно горжусь, что стал свидетелем чего-то если не значительного, то уж, во всяком случае, поступательного, что тоже уже немало, – я видел весь процесс, я был у его истоков. Не всякому удается отследить эволюцию в каждом ее цикле. Мне нравится, что «макулатура» заматерела, обросла мышцами, покрылась волосней и не затвердела. Не забронзовела. Возможно, это впереди, но навряд ли. «макулатура» никогда не превратится в металлом. Я надеюсь на это.

Пару недель назад мне позвонил Женя и попросил набить несколько абзацев об их группе и, может быть, немного о них самих. Я начал судорожно думать, о чем написать, вспоминать какие-то моменты, слова. Через неделю позвонил Жене и сказал, что ничего не могу придумать.

«Да что там думать! – воскликнул Женя в трубку. – Просто надо крепко высаться, и все!»

Этот совет помог. Прежде всего, я крепко высался, и дело пошло.



— Некоторые поклонники «макулатуры» опасаются, что из всеми этими книжками и сериалами вы забросите музыку.

— Нет, у нас сейчас как раз новый альбом должен выйти, уже готово два новых трека, осталось записать семь. С трудом, но успеваем все сразу.
(Интервью Кости для vse42.ru).



**ЖЕЧЬ НАПАЛМОМ
СЕРДЦА ЛЮДЕЙ!**

Борис Гудз

За два месяца до съемок фильма «Арбузные корки» я получил такое сообщение от нашего оператора Саши Тананова:

– Есть маза снять в эпизоде Женю Алехина – он колоритный парень. С ним же можно попробовать о музыке поговорить. Знаешь его?

Я не знал. Саша общался с Алехиным довольно давно, и не только по кино – он слушал «макулатуру», «ночных грузчиков», а я ни слухом, ни духом. Стало неловко, я же типа всезнайка и все такое, слушаю массу разной музыки, обычно сразу чувствую, пригодится ли та или иная песня в кино, есть ли потенциал, качает ли, торкает ли, ведь музыка в фильме решает очень многое. А тут такой прокол.

– Ну окей, – отвечаю, – гляну!

Скачал документалку «Алехин», посмотрел, сделал несколько стиллшотов – анфас, профиль, грустный Женя, веселый Женя – кинул в папку «Кастинг». Обычное дело. Через пару дней дошли руки и до «макулатуры».

Помнится, я стоял на балконе, пил чай, хрустел на всю округу шоколадом «Твикс». Набрал «ВКонтакте» название группы, ткнул на первый трек, заиграла «вся вселенная». Я пришел в себя минут через десять, когда «вселенная» крутилась в третий раз очередным повтором. Женя рассказывал мне про изнасилованную принцессу, Костя буквально кричал про бездарно проданное детство... Шоколад растаял, я стоял, дурак дураком, в трусах, грудастая соседка с балкона напротив с презрением смотрела на меня, а мне было ровно. Какой тут флирт, какие к черту приличия? Плевать на крошки печенья в бороде и трусы с Симпсонами, когда «вся вселенная стоит два рубля, три копейки». Я кинул остатки «Твикса» на газон с третьего этажа, с трясущимися руками и треснувшей коркой на перманентно гниющей душе я вернулся на кухню.

С Алехиным мы встретились через пару дней. Собранный и трезвый, весь погруженный в свой сериал «Русский лес», Женя встретил меня у метро «Молодежная». Показал базу, где они с друзьями готовились к съемкам, подарил книги своего издательства. Мы обсудили «Арбузные корки», он рвал и метал, был готов хоть завтра сниматься в фильме с таким сценарием. Я ничего не обещал, мы пожали руки, я ушел... Через неделю я позвонил и пригласил Алехина на роль.

Рассказывать о съемках фильма «Арбузные корки» – не хватит и кирпича кинговского «Оно», не то, что этой книги, так что оставлю все гадкие подробности кинопроизводства для отдельного опуса. Могу сказать лишь следующее. Когда звезды сходятся определенным образом, а планеты строем вышагивают на параде, когда роль ложится на человека как литая, глупо выпендриваться и марать соплями-понтами режиссерское кресло. Евгений Алехин – это абсолютно тот человек, который был нужен для нашего фильма. Без вопросов. И я дам в морду тому, кто скажет иначе. Поражает другое. До сих пор этому прекрасному актеру-от-природы кажется, что он сыграл плохо. Вспоминаю, как после концерта в клубе «Театръ» мы смотрели черновую версию «Арбузных корок» с Женей, его женой Дашей и писателем Секисовым. Я говорю последнему:

– Антон! Скажи ему, что он прекрасен в этой роли, охренителен и органичен, а то он мне не верит, падла такая!

И Антон подтверждал. И Женя опускал глаза. На фестивальной премьере «Арбузные корок» Алехина не было, и я несколько раз терпеливо пересказывал ему в «Фейсбуке» позитивные отзывы критиков на его роль. Женя отвечал что-то в стиле «ну, хер знает..» Это не ложная скромность. Не показуха. Так он живет. Так существует и работает. И это, действительно, поражает, ведь в нашу

эпоху запредельной самовлюбленности, сложно найти автора и художника, который бы так, как Алексин, стремился к совершенству самовыражения. И сколько бы я умных и хороших слов здесь ни написал, его не изменить. Алексин будет рефлексировать, сомневаться. И только так ондвигается вперед.

А что же с музыкой «макулатуры»? – спросите вы. Где, твою мать, треки Алексина и Сперанского в твоем фильме? Каюсь: в последний момент я убрал «всю вселенную» с финальных титров. И уверен, что поступил правильно. Кино и музыка должны дополнять друг друга на эмоциональном уровне, и в этом наше с парнями творчество постоянно сближается. Кровь, сперма, слезы – три основы моего кино и поэзии «макулатуры». Так мне видится. Так мне кажется. Но когда они сталкиваются, они не дополняют друг друга, а перекрывают, орут, как гастарбайтеры утром под окнами, ругаются, мешают – и музыке, и фильму. Поэтому я оставил слияние «макулатуры» и моих фильмов до лучших времен.

И есть подозрение, что времена эти уже близко. Последний на данный момент альбом «пляж» – это то, ради чего стоит сделать харакири многим так называемым рэперам в нашей стране. Жестоко, жестоко, но, кажется, про любовь. У меня до сих пор нет адекватных слов, чтобы описать эмоции, которые вызывает «пляж». Когда слушал первый раз, были одни лишь сопли: в какой-то момент даже подумал, что расплачусь, напьюсь. Ах нет, нельзя. Бельмо снобизма и безвозвратной молодости уже намертво залепило глаза. Жидкость течет внутрь, разъедает мозг, нейроны плюются по нервам, заставляя пальцы нажимать на «play» вновь и вновь. Каждый трек можно разбирать на цитаты: «ад – это вечно редактировать свои профайлы в социальных сетях». Или вот: «я все еще здесь, я в тебе навсегда, как чай пролитый в любимую книгу». И наконец, простое:

«спрячься за мной в случае теракта». Звучало бы очень банально, если бы не было так актуально.

Женщина, слушай сюда: ты хочешь знать, что чувствует твой мужчина (если он, конечно, когда-нибудь тебя любил)? Тогда включай новый альбом «макулатуры».

Мужчина, имей в виду: если ты останешься равнодушным после прослушивания, ты черствый мудак иди, влюбись, подонок, почувствуй то, о чем говорят парни из «макулатуры». Иначе сдохнешь, никогда никого не полюбив.

Спасибо, парни, вы как чудище из фильма «Монстро»: грозное оружие, шагающее по миру умирающей любви.



Я бы рубился за вегу. Писал бы треки об экономичном топливе, об экологической катастрофе. Но пока я не чувствую такой силы. Внутри я фанатик, из тех, которые наступив на кусок туалетной бумаги, раздают рецепты спасения. (**Интервью Жени для «Дистопии».**)





СОБРАТЬ И СДАТЬ

Алексей Цветков

Я был обречен на этот рэп. Во-первых, Костя ходил за книгами к нам, в «Циолковский». Вместе с книгами он обычно получал лестницу, вылезал через люк на крышу и долго смотрел оттуда на Кремль. Во-вторых, Кирилл Маевский открыл в Казани похожий магазин, и я ездил к нему туда, чтобы прочесть лекцию о голливудском марксизме, океане материнского молока и политическом исламе. В Казани мы ходили ночью по ленинским местам. Деваться было некуда, и я начал их слушать.

Дневниковый хип-хоп эпохи, когда музыка не просто не может ничего изменить, но ни один из музыкантов в это не верит даже для приличия. Скорее, такая вера была бы неприличной, и ее пришлось бы скрывать.

Любой из их треков мог бы оказаться неплохой рекламой антидепрессанта, если бы название препарата, решающего вопрос, появлялось в конце. Но не появляется. Единственная из известных мне, композиция, в которой есть юмор, пусть и горьковатый, это «владимир познер». Про нарциссический порногоризонт капиталистического спектакля.

У макулатурного героя большие сложности с заполнением анкеты. Он выходец из среднего класса, но с серьезными перспективами люмпенизации.

У его родителей был свой кодекс – «Эхо Москвы», Окуджава, антисоветский хиппиизм, рыночные надежды. Его посещает инфантильная мечта о принесении их в жертву. Они должны быть наказаны за то, что обещанный ими мир так и не состоялся.

Призраки европеизации, гуманизации, демократизации, сексуального комфорта и признания тебя обществом ускользают. На их место заступают азиатчины, имперский дискурс, рост насилия, принуждение к лояльности, сексуальная фрустрация, падение самооценки.

Несбывшееся наглядно воплощено в «жанре поле петросяне» – центре этой реальности.

Местные читатели Уэлша, Селина и Буковски, фрустрированные реалиями периферийного и авторитарного капитализма, жонглируют ненужными паролями (фамилии, термины, цитаты) и ходят на антипутинские митинги, не надеясь при этом ни на что. «Будущего нет» – они произносят без протестной истерики.

Предлагаемая социализация вызывает у них токсичную тоску и внутреннюю агрессию. Сквозная метафора – вагон, маршрутка, автобус везет тебя не в ту сторону, но ты не сопротивляешься. Нет никакой «той» стороны. Это кольцевая линия.

Ослабление связей. Когда ты перестаешь отражаться в других, как в зеркалах, ты перестаешь понимать, кто ты, и постепенно исчезаешь сам для себя. Коридор лабиринта сужается, человеческий шарик, покорно катящийся по нему, становится прозрачным для других и постепенно забывает о себе.

Капиталистическая плоскость как неспособность мечтать и неспособность деятельно ненавидеть. Стирание субъектности? Точнее, убывание как внешних, так и внутренних причин для нее.

Ты наблюдаешь, как у тебя, запертого внутри страны, ползущей вниз по мировой лестнице успеха, тает будущее. Как таешь ты сам в однородной и заурядной социальной среде эпохи Путина. Словно кубик сахара в теплом нищенском чае.

Ежедневное умаление. Макулатурный герой – меланхоличный наблюдатель собственного постепенного исчезновения, социальной диссолюции.

Политическая система как крайнее проявление чужеродности социума вообще («юность»). Разочарование в разбившейся о ментовскую решетку политической волне 2011–2012 годов.

Невозможность стать «народным человеком», то есть обреченной деталью бессмысленного механизма, создающего прибыль и воспроизводящего власть. Мир, в котором «мы» может быть только враждебным к твоему «я», терпящему непрерывное экзистенциальное поражение. Макулатурный выход – само лирическое переживание отчуждения.

Призрак эмиграции. Сексуальная разрядка как ложная дверь, нарисованная на бетонном заборе. Подростковые грезы о кровавом возмездии всем и за все.

В макулатурном мире никому не нужен даже отчаянный жест мрачного романтического энтузиазма. Там нет обнаружения собственных границ и прикосновения к утопическому измерению. Но есть острое переживание дефицита таких вещей.

Атрофия способности воспринимать утопическое, перемещение бунтарских склонностей в область первесивных фантазий о себе, как о безмотивном террористе из «Бойцовского клуба» или серийном убийце, вроде «Декстера».

В «макулатуре» принято веганство и отказ от участия в состязательном забеге к успеху. Они издают талантливые книги, возят их с гастролями по стране и понимают, что такое «просвещение».

Пепел надежд среднего класса, вдыхаемый как наркотик, тает в носоглотке молодого меланхолика, знающего, что Большой Другой, который на тебя смотрит, ничего уже от тебя не ждет. Большой Другой, которому мы все мечтаем понравиться, равнодушно закрыл глаза, оставив тебя замершим в нелепой позе никому больше не нужного танца.

Твоя жизнь теперь как макулатура, то есть мусорная метель из обрывков случайных текстов. Ее можно переработать, пропустить через улучшайзер и сделать из нее новый, нужный и связный текст. Или нет?

Писатель Зоран Питич почтил своим
присутствием. **Москва, февраль**
2016-го.



ФОРМУЛЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ

Никита Моисеенко

Все началось с видео «Писатель Женя Алехин читает свои стихи». Низкий голос, неровная интонация. Взгляд уверенный, но как будто с зависшим вопросом. Текст стихотворения – интенсивная и точная зарисовка, яркая и грубая как моментальная фотография (это была ранняя версия трека «владимир познер»). Мне понравилось, что кто-то умеет написать про онанизм уважительно и с трагедией. Женя дочитал стихи, скрутил листок А4 и спрятал в него бутылку «Балтики-7». За его спиной узнавалось Марсовое поле.

Когда у нас на работе началась очередная пьянка, кто-то стал хвастаться музыкальными открытиями и включил трек с текстом того парня, который читал стихи на Марсовом поле. Это глупо, но тогда я подумал, что какие-то рэперы спиздили текст и наложили его на бит – настолько не укладывался в голове результат. Потом мне и скинули ссылку на «детского психиатра».

Я послушал альбом несколько раз. Все сделано из первых попавшихся сэмплов. Казалось, у автора нет времени заигрывать со слушателем, нет желания понравиться. Вместо этого автор хватает слушателя за воротник и кричит: «Разве ты не видишь, что этот город убивает тебя!». И никакой игры. Это заражало своей искренностью.

Город разбивался в дребезги, ломался как причинно-следственные связи, разваливался как логика. Все вылезало наружу и причиняло боль. Оставалось ползать и резаться об осколки. Такое невозможно написать в нормальном состоянии.

В полупустом сообществе «макулатура» на «ВКонтакте» нашлась фотография: журнальный столик, на нем смятый носовой платок, наушники, презерватив, две книги Михаила Елизарова и пять зажигалок. Зачем могут понадобиться пять зажигалок? Наверное, для того, чтобы греть ложку.

* * *

В 2010-м Женя сделал объявление в ЖЖ – нужно записать треки к мини-альбому «Основы писательской жизни». У меня была аудиокарточка и сносный микрофон – я предложил приехать.

Женя был в джинсах-узакачах и куртке бордового цвета. Он открыл сумку-ранец и достал вино:

- Продавщица паспорт спросила. Значит я все еще молодой человек!
- Да разве же ты старый?
- Двадцать четыре года – это почти двадцать пять. А двадцать пять – это почти сорок.

Я протянул бокалы и предложил присесть. Диван отсвечивал глянцевым блеском.

- Диван не кожаный случайно?
- Кожзам. С животными все в порядке.

Женя читал текст с айпода. Я создавал дорожки и нажимал кнопку «Rec». Когда мы закончили Женя достал коньяк.

- Самый дорогой коньяк из тех, которые не стоят на замке и за стеклом.
- Бокалы снова зазвенели.

После коньяка я изрядно покачивался, а Женя чувствовал себя бодрее. Мы стояли у входной двери.

- Тот, кто устанавливал тебе двери, у того руки из жопы растут! Тут прореха в три сантиметра и наличник косо сидит.

Так мы и рас прощались.

Я закрывал дверь и улыбался. Никаких противоречий. Автор ворует коньяк в магазине, живет по-ветану, работает установщиком дверей, и его тексты не рассыпаются при личной встрече, а становятся точнее и подлиннее.

* * *

В августе того же года я впервые оказался на концерте «макулатуры». Женя приехал в Питер и позвонил мне – нужен синтезатор для Супербориса. Я привнес синтезатор и прошел через охрану клуба.

Женя сидел на краю стула и держался обеими руками за голову. Оксана, его девушка, обнимала его за плечи. Костя ходил по сцене и повторял текст. Музыканты проходили саундчек.

Я наблюдал за Женей. Выступление с подобным материалом представлялось мне невыносимым как признание в любви, которое никто не станет слушать. Как исповедь, от которой отвернется. Казалось, глубина подобных переживаний не доступна зрителю настолько просто, насколько это позволяет сцена.

Концерт начался в 20:00. Звук был рыхлым и часто скатывался в гул. Женя уже был пьян и забывал слова. Бас-гитарист сбивался и выкручивался импровизацией. Но ближе к концу вечера все удивительным образом объединилось в законченную картину. Безусловную, жуткую и честную.

Зрители почти не разговаривали. У некоторых из них глаза блестели от слез.

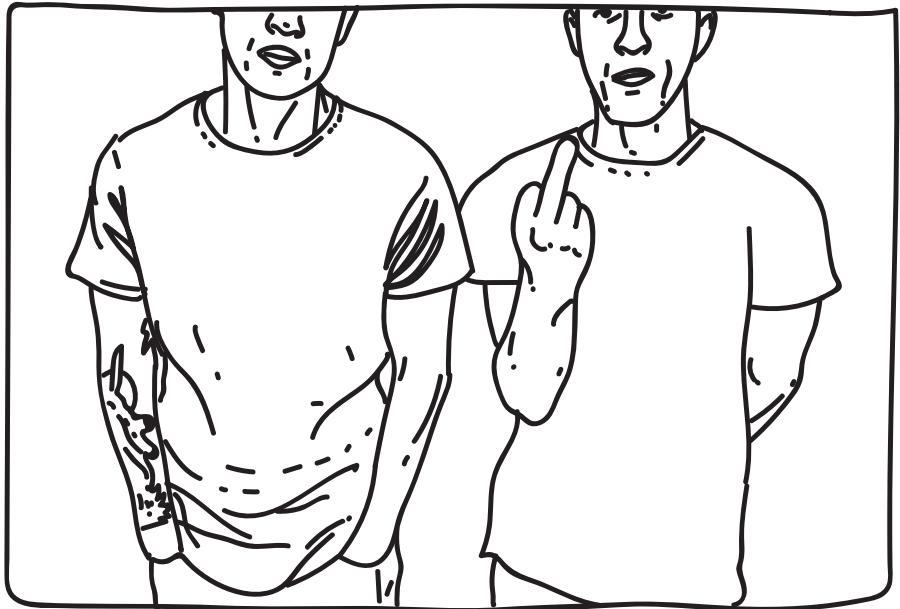
Тогда я понял, как это работает – ты открываешь в себе новые переживания, которые чувствовал раньше, но не мог выразить. Чувствовал что-то, но не

мог понять что. И тексты «макулатуры» создают формулы для выражения этих эмоций.

Люди приходят на концерт за возможностью раскрепоститься в своей слабости, принять себя со всеми внутренними проблемами и не бояться их. Страдать и не стесняться своего страдания. Потому что страдают все.

И в мире рэпа такого еще точно не было раньше.

Я уходил с концерта нетрезвым и пораженным. Но какое-то время мне казалось, что я примирился с самим собой.





Кадр из фильма Маргариты Захаровой «Внутренний реп». **Тур по Уралу**,
январь 2016-го.



О ВНУТРЕННЕМ РЕПЕ

Маргарита Захарова

В сложное для меня время я познакомилась с Евгением Алексиным. Это был август 2015-го, я еще и года не жила в Москве.

Я переехала из Новосибирска ради учебы в Московской школе нового кино, и вот, только спустя почти год после переезда и учебы я стала понимать, что вся моя предыдущая жизнь рушится. Я плохо ушла со своего предыдущего места работы, откуда меня практически отпустили в Москву, да так ушла, что многие некогда любимые люди остались в прошлом. Но, наверное, не могло быть иначе. Долгое время переживала по этому поводу, хотелось работать над интересными проектами. Но тут появился Женя. Со своим «Русским лесом» и «макулатурой».

А еще у него были свои переживания, но по поводу личной жизни. И как-то так получалось, что мы немного сублимировали свои переживания в творчество. Помню, в сентябре он предложил снять их концерт, а потом сделать из этого клип на трек «дареный конь». Я снова взяла камеру в руки после долгого перерыва, и сняла.

И дальше было еще несколько концертов – Питер, снова Москва, Киев... Материал копился на жестком диске, и я не знала, что с ним делать. У Жени все более-менее наладилось, да и у меня с работой тоже. На тот момент степень очарования работоспособностью и талантами Жени и загадочностью Кости, но одновременно и непонимание того, как эти два человека до сих пор вместе что-то делают, – все это достигло некого пика. И я, возвращаясь в декабре из Киева, и читая в поезде роман Моэма «Луна и грош», натолкнулась на фразу, которая побудила напроситься с ребятами в намечающийся новогодний тур, и попробовать разгадать-таки эту загадку. А фраза была такова:

«Красота есть нечто удивительное и странное, что артист рождает в душевных муках из хаоса мира.

Когда он это делает, не всем дано это понять.

Чтобы угадать красоту, нужно проделать весь душевный процесс вместе с артистом».

Когда уже надо было покупать билеты, я говорила Жене, что мне страшно – вдруг будет твориться что-то такое, чего я не выдержу, а мы будем находиться далеко от Москвы. Все же эта среда (пьянки, друзья Жени – Феликс Бондарев, Максим Тесли, зима, холод, плацкартные вагоны и прочее) мне казалась агрессивной и непредсказуемой.

Не то что бы я хотела, чтобы он меня уговаривал, но приобретение в ответ услышала – да, я смогу когда угодно вернуться из любого города домой, в Москву, а неиспользованные билеты сдадим. Страшно правда было, ведь тур с «макулатурой» – это далеко не всегда комфортабельное перемещение из города в город. Зачатую это и вовсе былиочные переезды в самом дешевом и дешевом плацкарте, про который, кажется, как-то Костя сказал, что болезнь Альцгеймера можно получить после ночи именно в таких условиях РЖД-реальности. Еще, отправляясь в тур, боялась дискомфорта, постоянного нахождения с людьми, которых хоть и очень уважала, но из-за своей интровертности абсолютно не представляла, как с ними общаться. Могла только наблюдать. Но рвение оказалось сильнее, и 2-го января я села в поезд, чтобы отправиться к Жене и Косте в Питер, где они праздновали наступление Нового года, и где начинался, собственно, первый их тур в 2016-м.

Самым же большим страхом был тот, что ничего не будет происходить интересного, и я буквально требовала от Жени с Костей приключений. На что

они посмеивались, и это заставляло меня иногда чувствовать себя весьма глупо. Приключения все не случались: Женя в свободные минуты до и после выступлений сбегал к ноутбуку – позвонить своей девушке Даше, Костя тоже сбегал, но к книжкам, чтению. Вообще я была удивлена, тур – это не такое уж романтическое мероприятие, растянувшееся на несколько дней. Это работа, состоящая из переездов и заботы о желудке (а это действительно проблематично в некоторых провинциальных городах, поскольку мы всегда были в поисках веганских кафе, коих крайне мало), встреч с организаторами и друзьями группы, саундчека и продажи книжек, изданием которых занимается Женя, ну и сами концерты еще, с повторяющимися из города в город треклистами. В одном из городов, кажется, это был Нижний Новгород, организаторы предложили нам прокатиться на канатной дороге, чему я обрадовалась – «О, приключения!» Приехав к этой самой дороге, мы узнали, что она замерзла вместе с пассажирами где-то на середине пути, и мы молча вернулись в клуб. В туре не происходило ровным счетом ничего интересного, на первый взгляд. Но что-то все-таки творилось, между ребятами, едва уловимое, что и удалось, как мне кажется, отсортировать и кристаллизовать в фильме.

Когда я приехала домой, выложила весь материал на таймлайн в монтажной программе, оказалось, что материала не так-то и много – 35 часов за 10 дней тура. И я сразу стала выделять по памяти те моменты, от которых сердце сильнее билось. Таймлиния – это как кардиограмма, на ней сразу видны пики, всплески активности. Но мне кажется, что эти пики видны только тогда, когда у тебя есть даже не знание, а некие предчувствие того, что тебя вообще заставило пуститься в это путешествие с этими вот людьми. Я чувствовала в тот момент

нестерпимое одиночество, и мне очень хотелось понять, как Женя и Костя могут уже около 10 лет сходиться в своих амбициях к чему-то единому, и выдавать такие реп-тексты, а еще и людей собирать по всей России, да и не только России. Как будто в поиске ответов на свои же вопросы и появляются любимые моменты. Это и когда в ответ на фразу Кости о том, что, мол, у его фотографии в «Инстаграме» больше лайков, чем у фото Жени, говорит – «Я смирился с тем, что ты – лицо, а я – мозг». И момент, когда сидя у себя на кухне с Феликсом Бондаревым и немного выпивая, Женя признается Феликсу в том, что это он все же влияет на Костю в написании текстов, что Костя пассивен. Хотя фраза о пассивности попала под цензуру, во избежание недопонимания. И еще где Костя очаровывается девушкой, пришедшей на концерт со своей подругой в Перми.

Когда Женя посмотрел фильм дважды, сказал, что это хороший фильм для зрителя, но что сам полюбить такое он не сможет. Потому что в фильме не он, а персонаж, и даже дал ему характеристику – «барыга» и «импресарио, оседлавший Костя». А Костя же ему, Жене, кажется в фильме эдаким «сладеньким мальчиком». Мне нравится, что Женя рефлектирует на эту тему. Лично мне кажется, что ему свойственно недооценивать свое значение. Он же такой... тягач. Мне импонируют волевые люди, которым надо, нестерпимо надо сделать, потому что иначе они не смогут жить. Женя же все делает: именно он занимается организационными вопросами по туру, контактирует с организаторами, верстает большинство афиш. Именно он нашел музыканта Феликса Бондарева, привез его к себе домой, посадил в квартире и вдохновил на написание музыки к новому альбому «пляж». Он и Костя, да, иногда заставляет писать, но только потому, что Костя и правда более инертен и весомо более мягок. Но Женя неутешен:

роль, в которой превалирует организаторская деятельность, ему не по нраву, ему хочется целиком и полностью вкладываться в тексты. Как будто он все так и не может смириться с тем, что он – мозг.

В Костю же я вообще влюбилась, можно сказать, с первого взгляда. Но это та-
кая, кинематографическая любовь – от него невозможно оторвать взгляд. Костя,
посмотрев фильм, сказал, что даже «поугорал» немножко, особенно над наметив-
шейся в Перми любовной линией. А еще сказал, что ни за что не придет на показ
фильма со своим участием. Но он пришел, и даже досмотрел до конца.



Делать музыку с Феликсом, это все равно, что писать роман при помощи специальной машины, которая выжимает максимум из твоих идей. Или как волшебный молоток – ты только дотронулся до черенка, а полка уже висит где надо и даже книгами заставлена.



Я НИКОГДА НЕ СЛЫШАЛ ГРУППУ «МАКУЛАТУРА»

Феликс Бондарев

Название, естественно, было на слуху, но нажать play я почему-то не решался. Скорее всего, это и оказалось одним из главных плюсов нашего взаимодействия, нашей музыкально-химической связи.

Мы познакомились с Алехиным в марте 2015-го году на стихотворных чтениях Максима Тесли в Санкт-Петербурге. Не скажу, что я сразу прямо влюбился в человека, но первое очарование имело место быть. Потом познакомился уже с Костей на их концерте. Ничего тогда не понял, но Сперанского я представлял агрессивным пацаном, с которым лучше вообще не ввязываться в беседу. Хорошо, что в итоге это оказалось не так.

Мы частенько выпивали и пересекались в наших двух столицах, пробовали играть совместные концерты наших ансамблей, после которых снова напивались и ничего не помнили. Можно сказать, что я все еще толком не слушал группу «макулатура».

Связи крепчали и в какой то момент, когда Женя приезжал в Питер, он спросил: «Давай разгремем твои черновики, может найдем что-то нужное мне для репа». К этому предложению я отнесся не с самым большим энтузиазмом, так как черновики конечно были, но я не чувствовал, что мы можем друг другу пригодиться. Отслушали 10–15 наработок, выбрали 5 и на время забыли про это дело. В этом списке была ранняя заготовка трека «валтер».

Наступила зима 2015/2016. Ребята пригласили меня к себе в Москву на неделю в 20-х числах декабря, посидеть и все же уже что-то да сделать, начать работу, о которой никто из нас не имел ни малейшего представления.

Так началась наша совместная история. Мы тонули в предпраздничной выпивке, работали мало, ничего не получалось, но мы не расстраивались, даже не

думали переживать, что-то должно было всплыть. И в последний день мы записали «вальтера». Тут то я и проникся полностью этими пацанами. Сводил трек с комом в горле. Подступал новый год.

К работе мы вернулись весной, уже в Питере. Была снята практически голая квартира на последнем этаже дома по адресу Софийская-28 на станции метро Международная.

Я приехал после своего тура сильно заболевшим, но аренда квартиры четко установила нам дедлайн на пару недель. Я взял старые магнитофонные колонки, провода, гитару, миди-клавиатуру, звуковую карту, микрофон, макбук и отправился на место своего нового творческого заточения. Первые несколько дней мы с Женей выводили инструменталы, отслушали много музыки, вдохновлялись тупыми реперами и прочим пост-нойзом. Картинка начинала вырисовываться. Приехал Костя. Понеслась запись. Я хотел добиться быстрого, грязного, живого звучания, без всякой шлифовки. Записывал вокал с открытым окном, чтобы в песни проникли все уличные шумы. Почти все куплеты писали единым дублем, это было условие, которые мы пытались соблюсти. Я не раз хотел сдаться, мне не хватало нервов, но в итоге мы справились. Такие песни просто нельзя писать по кускам.

«Пляж» был готов через 5 (6?) дней после приезда Кости. Я отправил пацов погулять, а сам сел за сведение всего материала, заказав пиццу-пепперони, от которой я чуть не умер на два часа. Организму было больно после веганско-макулатурной диеты. Найдя в себе силы, я закончил всю свою черновую работу за 6 часов. Приехали Женя, Костя и Вова (группа «Он Юн»), нужно было делать обложку, с которой справились мы тоже часа за 2, предварительно забра-

ковав все ранние черновики. На следующий день мы объявили о релизе альбома, выпили и разошлись.

Утром звонит мне Женя – «Приезжай сейчас же, надо переделать Нейта Диаза, мой куплет целиком». Я был не в восторге от этой идеи, уже и так порядком охуел от этого всего, но Женя был непоколебим. Если мы этого не сделаем, то альбома не будет. Я приехал и встретил ночь не спавшего Женю Алексина, который дрался со своим макбуком и вообще был похож на сбежавшего из больницы психа или на Марлу Сингер, обидевшуюся на трахнувшего ее призрака. Костя же только проснулся и не понимал, что я тут делаю и что происходит. Но Женя прочитал новую версию куплета, и я понял – это оно, переписать действительно надо. Через час мы свернули лавочку, упаковали провода и включили альбом. «Пляж» был готов. А еще через пару часов мы были в «Ионотеке», на так называемой «релиз-пати» и трек за треком выкладывали альбом в сеть.

Редакторы: Chonyatsky, Настя Козакевич

Корректор: Даша Суховей

Оформление, верстка, иллюстрации: Вова Седых

Рисунок на обложке: Катя Щербакова

В книге использованы фотографии Алексея Миллера, Риты Филипповой, Максима Ищенко, Дианы Карапуловой, Александра Протасова, Сони Славной, Кости Пурыгина и скриншоты из фильма Маргариты Захаровой «Внутренний реп».